GISAP:
HISTORY AND PHILOSOPHY

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

№10 Liberal* | October 2016

GISAP
HISTORY AND PHILOSOPHY

Expert board:

Seville Ismailova (Azerbaijan), Berhard Neumann (Germany), Alexey Konovalov, Gulzira Seksenbayeva (Kazakhstan), Alexander Sorokin, Helen Shentseva, Marina Dedyulina (Russia), Pak Sung Hoon (South Korea), Olivia Thatcher (UK).

GISAP: History and Philosophy №10 Liberal* (October, 2016)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov
Copyright © 2016 IASHE

ISSN 2054-6467
ISSN 2054-6475 (Online)

Design: Yury Skoblikov, Inna Shekina, Alexander Stadnichenko

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, London, N21 3NA, United Kingdom
Phone: +442071939499, e-mail: office@gisap.eu, web: http://gisap.eu

! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article

Print journal circulation: 1000

"*Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of the development of the journal ("Professional") involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world"

CONTENTS

A.P. Konovalov, *Semipalatinsk State University named after Shakarim, Kazakhstan*
ON THE DEMAND FOR MUSEUM ART AMONG RESIDENTS OF KAZAKHSTANI PERIPHERAL CITIES (RESEARCH IN THE CITY OF SEMEY, EASTERN KAZAKHSTAN).....3

K. Pahlevanyan, *Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan, Armenia*
PARTICIPATION OF NATIONS OF THE SOUTH CAUCASUS IN THE FIRST WORLD WAR (QUANTITATIVE COMPARATIVE MILITARY ANALYSIS).....10

T. Filiakova, *University of Vienna, Austria*
THE HISTORY OF THE SEARCH FOR A MODERN PERSON IN UKRAINE FROM THE PERSPECTIVE OF THE DANIEL LERNER'S THEORY: DID UKRAINE HAVE ANY CHANCE TO BUILD A MODERN PERSON?.....13

S.Sh. Ayazbekova, *International Turkic Academy, Kazakhstan*
"MUSIC = LIFE" AND "SILENCE = DEATH" IN THE TENGRIAN PHILOSOPHY OF IMMORTALITY.....18

E.E. Shcherbina-Yakovleva, *Sumy State University, Ukraine*
CONSTRUCTIVENESS AND DESTRUCTIVENESS IN CULTURAL CREATIVITY AS THE HUMAN SELF-IDENTIFICATION (EXPLICATION OF SOME METHODOLOGICAL IDEAS OF J. BURCKHARDT).....23

N.V. Shcherbakova, *Tavria State Agrotechnological University, Ukraine*
TRANSFORMATION PROCESSES TAKING PLACE IN THE VALUE-RELATED ORIENTATIONS OF CONSCIOUSNESS OF THE UKRAINIAN YOUTH INFLUENCED BY CULTURE. SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT.....27

E. Shentseva, *Russia*
EXPERIENCE OF UNDERSTANDING THE WORKS OF ART.....31

T. Poplavskaya, *South-Ukrainian National Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Ukraine*
HOLISTIC EPISTEMOLOGY IN THE CONTEXT OF MODERN GLOBAL PROBLEMS 36

CONTENTS

Коновалов А.П., *Семипалатинский государственный университет им. Шакарима, Казахстан*
О ВОСТРЕБОВАННОСТИ МУЗЕЙНОГО ИСКУССТВА СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ ПЕРИФЕРИЙНОГО ГОРОДА КАЗАХСТАНА (ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОРОДЕ СЕМЕЙ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА).....3

K. Pahlevanyan, *Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan, Armenia*
PARTICIPATION OF NATIONS OF THE SOUTH CAUCASUS IN THE FIRST WORLD WAR (QUANTITATIVE COMPARATIVE MILITARY ANALYSIS).....10

T. Filiakova, *University of Vienna, Austria*
THE HISTORY OF THE SEARCH FOR A MODERN PERSON IN UKRAINE FROM THE PERSPECTIVE OF THE DANIEL LERNER'S THEORY: DID UKRAINE HAVE ANY CHANCE TO BUILD A MODERN PERSON?.....13

Аязбекова С.Ш., *Международная Тюркская академия, Казахстан*
«МУЗЫКА=ЖИЗНЬ» И «ТИШИНА=СМЕРТЬ» В ТЕНГРИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ БЕССМЕРТИЯ.....18

Щербина-Яковлева Е.Е., *Сумской государственный университет, Украина*
КОНСТРУКТИВНОСТЬ И ДЕСТРУКТИВНОСТЬ В КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВЕ КАК САМОВЫЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА (ЭКСПЛИКАЦИЯ НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ Я. БУРХАРДТА).....23

Щербакова Н.В., *Таврический государственный агротехнологический университет, Украина*
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ СОЗНАНИЯ УКРАИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ, ПОД ВЛИЯНИЕМ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ.....27

Шенцева Е.А., *Россия*
ОПЫТ ПОНИМАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА.....31

Поплавская Т.Н., *Южноукраинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Украина*
ХОЛИСТИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ.....36

ON THE DEMAND FOR MUSEUM ART AMONG RESIDENTS OF KAZAKHSTANI PERIPHERAL CITIES (RESEARCH IN THE CITY OF SEMEY, EASTERN KAZAKHSTAN)

A.P. Konovalov, Candidate of History, Associate Professor
Semipalatinsk State University named after Shakarim, Kazakhstan

This article was prepared on the basis of another opinion poll among residents of the city of Semey (East Kazakhstan) about socio-cultural preferences and the demand for museum art in leisure activity of citizens of the Kazakhstani peripheral city.

Keywords: leisure activity, socio-cultural preferences, museum art, opinion poll.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

О ВОСТРЕБОВАННОСТИ МУЗЕЙНОГО ИСКУССТВА СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ ПЕРИФЕРИЙНОГО ГОРОДА КАЗАХСТАНА (ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОРОДЕ СЕМЕЙ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА)

Коновалов А.П., канд. ист. наук, доцент
Семипалатинский государственный университет им. Шакарима, Казахстан

Статья подготовлена на основе очередного социологического опроса среди жителей г. Семей Восточного Казахстана о социально-культурных предпочтениях и востребованности музейного искусства в досуговых занятиях горожан периферийного полиса Казахстана.

Ключевые слова: досуговые занятия, социально-культурные предпочтения, музейное искусство, социологический опрос.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i10.1576

Независимый социологический центр регулярно исследует социально-культурные предпочтения, а также уровень востребованности музейного искусства в досуговых занятиях жителей такого периферийного города Казахстана как г. Семей (бывший Семипалатинск). Действительно, Семипалатинск, до 1997 года являлся центром одноименной области. В этом статусе его история берет начало с 1854 года. Именно благодаря данному статусу в Семипалатинске сформировалась интересная архитектурная застройка, с почти двухстами памятниками строительного зодчества. Сегодня в городе функционируют шесть театров, двадцать шесть музеев. В том числе такие известные в Казахстане и за его пределами, как музей изобразительного искусства имени семьи Невзоровых, музей-заповедник Абая, литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, Краеведческий музей и др. В городе также сохранились парки, библиотеки, площади и другие достопримечательности, заложенные в XIX-XX веках, именно в то время, когда он был областным центром. С развалом СССР, большинство культурных мест города сохранились. В отличие от производственной, где прекратили свое существование – камвольно-суконное объединение, швейное объединение «Большевичка», обувная, трикотажная, перчаточная и чулочная фабрики. К уровню небольшого цеха опустилось производство некогда гиганта мясной индустрии – мясоконсервного комбината им. М.И. Калинина и т.д.

С 1992 года население г. Семей на 70% процентов обновилось за счет сельских жителей. Именно это обстоятельство вызывает у ученых – обществоведов интерес в исследовании социально-культурных запросов горожан, насколько они адаптировались к урбанизационным процессам, насколько перемены в общественном бытии сказываются на их развитии.

Надо заметить, что интерес ученых к изучению социокультурных процессов подкрепляется заказами государственных культучреждений города, которым вменено законодательством проводить мониторинг общественного мнения, на предмет выявления степени удовлетворенности населения качеством оказания услуг. Именно в рамках такой необходимости независимый социологический центр проводит регулярный замер общественного мнения по заказу литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского. Поэтому мы предлагаем итоги последнего такого исследования. В котором отразилась ситуация, связанная не только с деятельностью музея Ф.М. Достоевского, но и функционированием других культурных объектов города, а также с массой социальных проблем, которые сегодня приходится решать семейчанам.

Итак, в очередном социологическом исследовании приняли участие 365 жителей г. Семей, в составе которых пропорционально госстатистике (генеральная выборка), представлены все основные социально-демографические категории: по полу, возрасту, социальному статусу. Опрошенные также представили достаточно обширную территорию города – они проживают на 66-ти улицах, проспекта, микрорайонах и кварталах.

Ограниченные рамки настоящей статьи не позволяют подробно показать состав опрошенных, как это принято в прикладной социологии. Тем не менее при демонстрации результатов опроса нам удастся предложить читателям основную структуру опрошенных, в контексте ответов на конкретные вопросы социологической анкеты.

Первый вопрос, заданный населению, касался наличия свободного от работы, учебы и домашних дел времени и характере занятий в нем наших горожан. В таблице 1 размещен статистический аналитический расклад ответов респондентов на данный вопрос, в разрезе города и основных социаль-

Табл. 1.

Население о наличие свободного от работы, учебы и домашних дел времени и характере его проведения, в %

Вопросы и ответы	По городу	В том числе									
		Учащиеся	Студенты	Рабочие	Госслужащие, адмработники, военные	Учителя, мед. работники, преподаватели	Безработные	Домохозяйки	Пенсионеры, инвалиды	Руководители, замруководителей, бизнесмены	Технические работники, специалисты
Прежде всего, впишите основные виды Ваших занятий в свободное от учебы, работы и домашних дел время…											
Свободного времени почти не бывает	**5,2**	5,0	4,7	14,1	-	-	12,5	-	-	-	-
Те, у кого имеется свободное время											
1) смотрю телепередачи	**48,8**	28,9	17,1	53,2	58,3	52,8	57,1	31,4	76,0	72,7	61,1
2) работаю за компьютером	**43,9**	73,7	85,4	41,8	62,5	30,6	42,9	34,3	4,0	36,4	33,3
3) с детьми (с внуками)	**35,5**	-	-	40,5	16,7	27,8	28,6	88,6	52,0	63,6	50,0
4) встречи с друзьями	**32,1**	65,8	63,4	26,6	33,3	22,2	57,1	11,4	8,0	18,2	27,8
5) встречи с родственниками	**26,9**	13,2	24,4	38,0	20,8	8,3	28,6	22,9	38,0	45,5	22,2
6) прогулки на свежем воздухе	**24,3**	44,7	31,7	20,3	29,2	25,0	-	25,7	20,0	18,2	5,6
7) хожу по магазинам, рынкам	**12,4**	-	14,6	10,1	20,8	27,8	-	17,1	12,0	9,1	5,6
8) встречи с другом, подругой	**12,1**	26,3	22,0	15,2	16,7	19,4	-	-	-	-	-
9) читаю газеты, журналы	**11,3**	-	-	2,5	25,0	19,4	-	11,4	28,0	18,2	22,2
10) на земельном участке	**7,2**	-	-	12,7	-	11,1	-	-	12,0	18,2	16,7
11) слушаю радио	**4,3**	-	4,9	3,8	-	5,6	-	5,7	12,0	-	-
12) отдыхаю на природе	**4,3**	-	-	13,9	8,3	5,6	-	-	-	-	-
13) разгадываю кроссворды	**3,8**	-	-	5,1	-	-	28,6	5,7	6,0	-	-
14) в кафе, ресторане	**3,8**	5,3	12,2	2,5	8,3	-	-	-	-	-	11,1
15) посещаю музеи, культурные центры	**1,4**	5,3	4,9	,0	,0	2,8	-	-	-	-	-
16) другие	**4,3**	5,3	9,8	5,1	-	-	-	14,3	-	-	-

ных категорий жителей – учащихся, студентов, рабочих, госслужащих, адмработников и военных, педагогов и медработников, безработных, домохозяек, пенсионеров и инвалидов, руководителей и бизнесменов, технических работников и специалистов.

Столь обширная социальная дифференциация данных опроса, как известно, позволяет видеть различия в интересах посещения музея Ф.М. Достоевского, собственно, как и других культурных объектов города. Но в любом случае такая дифференциация дает возможности предметнее заниматься музейной работой, в том числе и в приобщении жителей всех категорий к тому важному и значимому, что находится в музее.

Статистическая аналитика достаточно четко демонстрирует преобладание основных форм досуговых занятий горожан. В частности, в первой пятерке основных досуговых занятий: 1) просмотр телепередач (48,8%), 2) работа за компьютером (43,9), 3) занятия с детьми, внуками (35,5), 4) встречи с друзьями (32,1) и 5) встречи с родственниками (26,9). Что касается посещений музеев и других культурных центров, то этому занятию регулярно отводят внимание только 1,4% горожан (в целом по г. Семей).

Если взглянуть на досуговые увлечения в разрезе конкретных социальных категорий опрошенных, то здесь найдем различные дефиниции. К примеру, чаще других:

- смотрят телеперадачи – пенсионеры, инвалиды, руководители и бизнесмены;
- работают за компьютером, в Интернете – студенты и школьники;
- занимаются с детьми, внуками – домохозяйки, пенсионеры и бизнесмены;
- встречаются с друзьями – школьники и студенты;
- встречаются с родственниками – бизнесмены и пенсионеры и т.д.

Чаще посещают музеи, другие культурные центры школьники и студенты.

В целом мы видим, что характер досуговых занятий зависит как от возраста, так и социального статуса респондентов, что музеи больше посещают молодые люди. Однако

Табл. 2.

Респонденты о посещении городских культурных объектов, в %

Вопросы и ответы	По городу	В том числе									
		Учащие-ся	Студен-ты	Рабо-чие	Госслужащие, адмработники, военные	Учителя, мед. работники, преподаватели	Без-работные	Домо-хозяйки	Пенсионеры, инвалиды	Руководители, замруководителей, бизнесмены	Техничес-кие работники, специали-сты
Отметьте городские объекты и мероприятия культуры, которые Вы посетили в 2015 году…											
Центральный парк	**57,3**	80,0	79,1	66,3	62,5	47,2	25,0	45,7	28,0	81,8	38,9
детский парк	**32,6**	25,0	34,9	37,0	45,8	27,8	25,0	51,4	8,0	45,5	44,4
кинотеатр «Енлик-Кебек»	**31,0**	57,5	62,8	23,9	33,3	16,7	25,0	40,0	-	36,4	27,8
парк Боевой Славы г.Семей	**29,0**	30,0	32,6	34,8	33,3	44,4	12,5	20,0	16,0	18,2	27,8
городской дом культуры	**22,5**	30,0	27,9	10,9	33,3	41,7	12,5	25,7	16,0	27,3	16,7
театр им.Абая	**21,6**	47,5	39,5	-	25,0	33,3	-	22,9	20,0	45,5	11,1
кинотеатр «Дастан»	**21,4**	50,0	46,5	14,1	25,0	16,7	12,5	17,1	-	18,2	16,7
Дворец детей и молодежи	**15,1**	42,5	32,6	6,5	-	13,9	12,5	17,1	4,0	18,2	5,6
музей им. семьи Невзоровых	**13,2**	35,0	23,3	6,5	16,7	16,7	-	5,7	8,0	18,2	,0
музей им. Абая	**11,8**	32,5	18,6	3,3	16,7	27,8	-	5,7	-	18,2	5,6
кинотеатр «Алем»	**11,8**	37,5	25,6	10,9	16,7	8,3	-	-	-	-	-
театр им. Ф.М. Достоевского	**10,1**	10,0	18,6	8,7	8,3	8,3	-	11,4	8,0	18,2	11,1
историко-краеведческий музей	**7,1**	12,5	4,7	3,3	8,3	19,4	-	5,7	8,0	-	5,6
универсальная научная библиотека им. Абая	**4,9**	5,0	14,0	-	8,3	16,7	-	-	4,0	-	-
музей Ф.М. Достоевского	**3,8**	7,5	,0	2,2	8,3	8,3	-	5,7	-	18,2	-
детско-юношеская библиотека	**2,5**	10,0	4,7	-	-	-	-	8,6	-	-	-
концерты филармонии А. Кашаубаева	**1,1**	-	-	-	-	5,6	-	-	4,0	-	-
Центральная городская библиотека, ее филиалы	**0,8**	2,5	-	-	-	5,6	-	-	-	-	-
молодежный театр «Дарига-ай»	**0,5**	-	-	-	-	-	-	-	4,0	-	-
Другие	**24,9**	5,0	-	27,2	25,0	16,7	75,0	17,1	52,0	18,2	33,3

Табл. 3.

Анализ фактов посещения госмузеев г. Семей, в %

Вопросы и ответы	По городу		В том числе											
		Учащиеся		Студенты		Рабочие		Учителя, медработники, преподаватели		Безработные		Пенсионеры, инвалиды		
	2015 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.
1. Музей изобразительных искусств им.семьи Невзоровых…														
Не был в нем ни разу	**44,1**	45,3	**40,0**	40,0	**37,2**	35,0	**44,6**	63,2	**36,1**	11,8	**87,5**	77,8	**48,0**	44,4
Посещал ранее	**39,5**	36,6	**27,5**	15,0	**27,9**	40,0	**46,7**	31,6	**38,9**	64,7	**12,5**	22,2	**38,0**	38,9
Посещал в 2013 г.	**-**	10,6	**-**	40,0	**-**	15,0	**-**	2,6	**-**	17,6	**-**	-	**-**	-
Посещал в 2014 г.	**5,2**	7,5	**5,0**	5,0	**11,6**	10,0	**2,2**	2,6	**13,9**	5,9	**-**	-	**6,0**	16,7
Посещал в 2015 г.	**13,2**		**32,5**		**25,6**		**6,5**		**16,7**		**-**		**8,0**	
2. Республиканский литературно-мемориальный дом – музей Абая…														
Не был в нем ни разу	**29,6**	28,0	**20,0**	20,0	**14,0**	20,0	**39,1**	31,6	**16,7**	-	**62,5**	44,4	**40,0**	33,3
Посещал ранее	**52,9**	53,4	**35,0**	35,0	**62,8**	40,0	**53,3**	60,5	**38,9**	70,6	**37,5**	55,6	**54,0**	61,1
Посещал в 2013 г.	**-**	13,7	**-**	25,0	**-**	35,0	**-**	2,6	**-**	29,4	**-**	-	**-**	5,6
Посещал в 2014 г.	**9,3**	5,0	**20,0**	20,0	**4,7**	5,0	**4,3**	5,3	**22,2**	-	**-**	-	**6,0**	-
Посещал в 2015 г.	**11,8**		**32,5**		**18,6**		**3,3**		**27,8**		**-**		**-**	
3. Областной историко-краеведческий музей…														
Не был в нем ни разу	**39,7**	42,9	**45,0**	35,0	**41,9**	45,0	**38,0**	44,7	**19,4**	23,5	**87,5**	55,6	**40,0**	38,9
Посещал ранее	**45,8**	42,9	**27,5**	30,0	**48,8**	20,0	**56,5**	52,6	**36,1**	70,6	**12,5**	33,3	**46,0**	44,4
Посещал в 2013 г.	**-**	7,5	**-**	25,0	**-**	30,0	**-**	-	**-**	-	**-**	11,1	**-**	-
Посещал в 2014 г.	**7,7**	6,8	**17,5**	10,0	**4,7**	5,0	**2,2**	2,6	**25,0**	5,9	**-**	-	**6,0**	16,7
Посещал в 2015 г.	**7,1**		**12,5**		**4,7**		**3,3**		**19,4**		**-**		**8,0**	
4. Литературно-мемориальный музей Ф.М Достоевского…														
Не был в нем ни разу	**33,7**	37,9	**47,5**	25,0	**32,6**	20,0	**32,6**	47,4	**30,6**	17,6	**62,5**	66,7	**24,0**	50,0
Посещал ранее	**58,1**	44,7	**27,5**	40,0	**60,5**	30,0	**60,9**	50,0	**52,8**	64,7	**37,5**	33,3	**74,0**	38,9
Посещал в 2013 г.	**-**	13,7	**-**	25,0	**-**	40,0	**-**	-	**-**	17,6	**-**	-	**-**	11,1
Посещал в 2014 г.	**6,3**	3,7	**20,0**	10,0	**7,0**	10,0	**4,3**	2,6	**13,9**	-	**-**	-	**2,0**	-
Посещал в 2015 г.	**3,8**		**7,5**		**-**		**2,2**		**8,3**		**-**		**-**	

нельзя однозначно утверждать, что, например, пенсионеры могут и должны заниматься только с внуками, да встречать своих родных, при этом не выходя из кухни, готовя для них угощения и т.д. Все-таки речь еще идет и о возможностях в распространении культуры, в приобщении населения к ее достижениям. И в этом деле в нашем городе делается далеко не все. О чем мы ниже еще скажем подробнее.

Следующие данные опроса, в таблице 2, показывают, какие культобъекты горожане посещают чаще и, насколько массовыми оказываются такие посещения.

Как видим из таблицы 2, наиболее посещаемыми в 2015 году оказались: центральный и детский парки, кинотеатр «Енлик-Кебек», парк Боевой Славы, городской дом культуры, театр им. Абая, кинотеатр «Дастан» и Дворец детей и молодежи.

Музеи посетили в следующей рейтинговой последовательности: имени семьи Невзоровых, Абая, историко-краеведческих и Ф.М. Достоевского. Напоминаем, речь в таблице 2 идет не о количестве посетителей музеев, а о проценте горожан посетивших их в 2015 году.

В таблице 3 приведен анализ посещений госмузеев г. Семей, и не только в 2015 году. Здесь данные посещений показаны в разрезе музея им. семьи Невзоровых, музея Абая, областного историко-краеведческого музея и литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского.

Данные о посещениях, в частности, говорят:

Табл. 4.

Оценки известности музея Ф.М. Достоевского, в %

Вопросы и ответы	По городу	В том числе									
		Учащиеся	Студенты	Рабочие	Госслужащие, адмработники, военные	Учителя, мед. работники, преподаватели	Безработные	Домохозяйки	Пенсионеры, инвалиды	Руководители, зам-руководителей, бизнесмены	Технические работники, специалисты
Для Вас лично как известен данный музей…											
затруднились ответить	**24,7**	30,0	4,7	29,3	29,2	5,6	50,0	25,7	36,0	36,4	5,6
как самый известный и популярный музей	**49,3**	35,0	58,1	48,9	54,2	55,6	25,0	40,0	60,0	27,3	66,7
как мало известный музей,	**24,9**	35,0	32,6	21,7	16,7	33,3	25,0	34,3	4,0	36,4	27,8
другое	**1,1**	-	4,7	-	-	5,6	-	-	-	-	-

Табл. 5.

Источники информации о музее Ф.М. в %

Вопросы и ответы	По городу	В том числе						
		Учащиеся	Студенты	Рабочие	Учителя, мед. работники, преподаватели	Безработные	Пенсионеры, инвалиды	Технические работники, специалисты
Не сталкивались с такой информацией	**58,6**	60,0	48,8	55,4	66,7	87,5	70,0	50,0
Родственники, друзья, знакомые	**20,5**	35,0	18,6	26,1	13,9	12,5	14,0	11,1
Телевидение	**10,4**	-	14,0	5,4	5,6	-	12,0	33,3
Личные посещения музея	**9,3**	5,0	11,6	13,0	8,3	-	4,0	-
Газеты	**5,8**	-	-	4,3	22,2	-	4,0	11,1
Интернет	**5,5**	5,0	9,3	4,3	5,6	12,5	-	22,2
«Бегущая строка» по TV	**2,7**	-	-	4,3	5,6	-	4,0	-
Билборды	**2,2**	5,0	7,0	2,2	-	-	-	5,6
Радио	**1,9**	-	-	2,2	5,6	-	4,0	5,6
Другие	**3,3**	15,0	4,7	2,2	-	-	-	-

- о проценте респондентов, которые никогда не посещали музеи;

- о проценте посещений в 2015, в 2014, в 2013 годах;

- о проценте посещений ранее 2013 года.

Эти данные позволяют видеть как уровень культурной активности горожан, так и возможности музеев в работе с населением. Предметнее такие возможности нужно рассматривать в разрезе категорий – среди тех, кто реже других посещает музеи. Хотя не следует зацикливаться только на таких категориях. Нужно работать со всеми, в том числе с подростками, молодежью. Как известно, именно смолоду прививаются вкусы к культуре, которые затем передаются на следующие поколения людей (от родителей – к детям и т.д.).

Исходя из данных таблицы 3 – о посещаемости музеев, можно проследить, как здесь выглядит музей Ф.М. Достоевского:

- «не были в нем ни разу» – 33,7% (на втором месте, после музея Абая);

- «посещали ранее 2013 г.» – 58,1% (на первом месте, на одном уровне с музеем Абая);

- «посещали в 2014 г.» – 6,3% (на третьем месте, после музея Абая и историко-краеведческого музея);

- «посещали в 2015 г.» – 3,8% (на четвертом месте, после им. семьи Невзоровых, Абая, историко-краеведческого).

В таблице 4 – данные, конкретизирующие знания горожан о музее Ф.М. Достоевского. Сразу заметим, что представленная в этой таблице аналитика свидетельствует о достаточно высоком уровне популярности музея среди семейчан. Во-первых, практически ничего о нем не знают только 24,7% опрошенных. Во-вторых, почти половина респондентов считает его как одного из самых известных и популярных музеев города. То есть речь идет о наличии у музея Ф.М. Достоевского солидной имиджевой основы не только для текущей работы, но и для развития, для кардинального расширения круга посетителей – пользователей услуг.

Дополнительный прикладной материал дает анализ таблицы 4, в разрезе категорий опрошенных. Именно здесь, например, мы снова видим, что гораздо меньше о музее знают безработные и бизнесмены, а также пенсионеры и инвалиды. Как работать с этими категориями – вопрос и теории, и практики. На него респонденты дали некоторые ответы – они приведены ниже.

По данным таблицы 6 хорошо видно, например, что почти 60 процентов опрошенных или не сталкиваются с информацией о музее (не смотрят телеканалы, не читают газеты, не слушают радио, где размещается информация о музее), или не обращают внимание на такую информацию. Что не может нас удивлять, если учитывать, что специально интересуется музеями лишь незначительная часть горожан.

Среди остальных респондентов, кто назвал источники информации, превалируют: родственники, друзья, знакомые, телевидение, личные посещения, газеты, Интернет и другие.

Заметим, что СМИ и реклама занимают в представленной аналитике относительно скромное место. Из чего явствует, что музей нуждается в гораздо большей информации о своей работе, о проводимых мероприятиях, нежели есть на самом деле, – это еще один из важных прикладных аспектов нашего опроса.

Табл. 6.

Респонденты о качестве услуг, оказываемых населению музеем Ф.М. Достоевского, в %
(приведены наиболее популярные)

Вопросы и ответы	По городу	В том числе									
		Учащие-ся	Студен-ты	Рабо-чие	Госслу-жащие, адмра-ботники, военные	Учителя, мед. работники, препо-даватели	Безра-ботные	Домо-хозяйки	Пенсионеры, инвалиды	Руково-дители, замруково-дителей, бизнесмены	Технические работники, специалисты
1. Насколько в целом Вас удовлетворяет качество услуг, которые предоставляет населению музей Ф.М. Достоевского г.Семей (без значений «Затрудняюсь ответить»)…											
Не были в нем	**33,7**	47,5	32,6	32,6	29,2	30,6	62,5	31,4	24,0	54,5	16,7
Из тех, кто был в музее хотя бы один раз											
в целом удовлетворены	**87,8**	100,0	96,6	79,3	100,0	92,0	100,0	83,3	84,2	100,0	73,3
не удовлетворены	**1,7**	-	-	3,4	-	-	-	-	-	-	13,3
2. Какими услугами музея Ф.М. Достоевского Вы пользовались, насколько они Вас удовлетворили (только среди тех, кто посещал музей)…											
1) дни открытых дверей											
не пользовались	**86,0**	81,0	89,7	88,7	88,2	72,0	66,7	91,7	89,5	60,0	93,3
пользовались	**14,0**	19,0	10,3	11,3	11,8	28,0	33,3	8,3	10,5	40,0	6,7
из тех, кто пользовался											
удовлетворены	**100,0**	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
не удовлетворены	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2) акция «Ночь в музее»											
не пользовались	**86,4**	81,0	62,1	85,5	100,0	88,0	66,7	91,7	100,0	100,0	86,7
пользовались	**13,6**	19,0	37,9	14,5	-	12,0	33,3	8,3	-	-	13,3
из тех, кто пользовался											
удовлетворены	100,0	100,0	100,0	100,0	-	100,0	100,0	100,0	-	-	100,0
не удовлетворены	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3) литературно-музыкальные, поэтические вечера и спектакли											
не пользовались	**90,9**	95,2	100,0	88,7	88,2	92,0	100,0	91,7	78,9	100,0	100,0
пользовались	**9,1**	4,8	-	11,3	11,8	8,0	-	8,3	21,1	-	-
из тех, кто пользовался											
удовлетворены	100,0	100,0	-	100,0	100,0	100,0	-	100,0	100,0	-	-
не удовлетворены	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4) экскурсии по местам, связанным с пребыванием Достоевского в Семипалатинске											
не пользовались	**64,5**	52,4	48,3	74,2	64,7	76,0	100,0	54,2	60,5	40,0	73,3
пользовались	**35,5**	47,6	51,7	25,8	35,3	24,0	-	45,8	39,5	60,0	26,7
из тех, кто пользовался											
удовлетворены	**98,8**	90,0	100,0	100,0	100,0	100,0	-	100,0	100,0	100,0	100,0
не удовлетворены	**1,2**	10,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5) обзорные, тематические экскурсии в самом музее Достоевского											
не пользовались	**14,9**	19,0	13,8	9,7	23,5	8,0	-	16,7	18,4	20,0	26,7
пользовались	**85,1**	81,0	86,2	90,3	76,5	92,0	100,0	83,3	81,6	80,0	73,3
из тех, кто пользовался											
удовлетворены	**97,1**	100,0	100,0	92,9	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	81,8
не удовлетворены	**2,9**	-	-	7,1	-	-	-	-	-	-	18,2
6) уроки, лекции в музее											
не пользовались	**87,6**	61,9	86,2	91,9	76,5	88,0	100,0	75,0	100,0	100,0	100,0
пользовались	**12,4**	38,1	13,8	8,1	23,5	12,0	-	25,0	-	-	-
из тех, кто пользовался											
удовлетворены	**90,0**	100,0	100,0	40,0	100,0	100,0	-	100,0	-	-	-
не удовлетворены	**10,0**	-	-	60,0	-	-	-	-	-	-	-

Табл. 7.

Предложения респондентов по развитию музея, по повышению его популярности среди горожан и гостей Семея, в %

Вопросы и ответы	По городу	В том числе									
		Учащиеся	Студенты	Рабочие	Госслужащие, адм-работники, военные	Учителя, мед. работники, преподаватели	Безработные	Домохозяйки	Пенсионеры, инвалиды	Руководители, зам-руководителей, бизнесмены	Технические работники, специалисты
Что, на Ваш взгляд, следует изменить в работе музея Ф.М. Достоевского, чтобы повысить к нему интерес среди населения г. Семей…											
затруднились ответить	**31,0**	32,5	23,3	30,4	33,3	22,2	75,0	17,1	34,0	36,4	38,9
больше информации в СМИ о музее и его экспонатах	**31,0**	22,5	37,2	27,2	25,0	41,7	12,5	54,3	20,0	27,3	44,4
больше встреч в учебных заведениях	**26,6**	27,5	30,2	23,9	25,0	44,4	12,5	20,0	24,0	18,2	33,3
организовывать акции для детей из детских домов и малообеспеченных семей	**17,3**	15,0	14,0	20,7	8,3	22,2	12,5	22,9	16,0	36,4	-
работать так, как работал (хорошо)	**16,4**	12,5	18,6	20,7	25,0	13,9	-	-	26,0	18,2	11,1
поднимать ответственность педколлективов за воспитание подрастающего поколения на основе культурных ценностей музея	**16,4**	-	16,3	18,5	8,3	33,3	12,5	25,7	8,0	36,4	16,7
принять меры по кардинальному привлечению посетителей	**13,7**	15,0	16,3	8,7	8,3	22,2	25,0	20,0	12,0	-	11,1
чаще обновлять экспозиции	**10,4**	27,5	18,6	4,3	16,7	5,6	-	11,4	-	-	27,8
установить указатели местонахождения музея	**7,4**	-	-	8,7	8,3	13,9	12,5	11,4	8,0	-	11,1
другие	**2,7**	5,0	-	1,1	8,3	-	-	11,4	2,0	-	-

Наконец, в таблице 7 систематизированы данные опроса о качестве основных услуг, которые оказывает населению музей Ф.М. Достоевского.

Результаты опроса по качеству услуг систематизированы следующим образом. Во-первых, отделены ответы респондентов, которые не были в музее ни разу. Во-вторых, дифференцированы ответы тех, кто не пользовался услугами музея. В-третьих, показаны оценки только тех, кто пользовался услугами музея.

Коротко результаты оценки работы музея выглядят так:

1) в целом удовлетворены работой музея 87,8 % опрошенных (1,7% – не удовлетворены);

2) конкретными видами услуг удовлетворены:

- 100% респондентов – днями открытых дверей, акцией «Ночь в музее», выставками интерьера, поэтическими вечерами и спектаклями, видеопросмотрами и консультациями;

- от 98,8 до 81,3% – экскурсиями по городу, выставками, обзорными экскурсиями по музею, уроками и лекциями и предоставлением литературы.

3) чаще других респонденты пользовались услугами обзорных, тематических экскурсий в самом музее, меньше-консультациями при подготовке рефератов, курсовых и дипломных работ.

В заключение предлагаем систематизированные предложения респондентов по развитию музея. Надеемся, что эти предложения окажутся конструктивными и будут интересными не только для коллектива музея Ф.М. Достоевского.

References:

1. Gosudarstvennyj istoriko–kul'turnyj zapovednik – muzej Abaja [State Historical and Cultural Reserve - Abai Museum]., Access mode: http://www.abay.nabrk.kz/index.php?page=content&id=89

2. Vostochno-Kazahstanskij oblastnoj muzej izobrazitel'nyh iskusstv imeni sem'i Nevzorovyh [East Kazakhstan Regional Museum of Fine Arts named after the Nevzorov' family]., Access mode: http://culturemap.kz/ru/object/vostochno-kazahstanskiiy-oblastnoiy-muzeiy-izobrazitel-n

3. Dostoprimechatel'nosti goroda Semej [Sights of the city of Semey]., Access mode: https://semey.city/o-gorode/dostoprimechatelnosti.html

Information about author:

1. Aleksey Konovalov – Candidate of History, Associate Professor, Semipalatinsk State University named after Shakarim; address: Kazakhstan, Semipalatinsk city; e-mail: icp10.3@bk.ru

PARTICIPATION OF NATIONS OF THE SOUTH CAUCASUS IN THE FIRST WORLD WAR (QUANTITATIVE COMPARATIVE MILITARY ANALYSIS)

K. Pahlevanyan, Candidate of History, Associate Professor, Lecturer of the Chair of World history and its teaching methods
Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan, Armenia

The author considers the aspect of participation of people of the South Caucasus in the Russian Army and in the World War I. The following questions were considered: representatives of what nations took part in this war; number of people involved in the war in certain periods of time; number of people drafted during the war. The author described the troops into which the South Caucasus was divided before the First World War.

Keywords: World War I, South Caucasus nations, Russian Army.

Conference participant

http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i10.1577

In 1914 the World War started. It was unprecedented in its scale and brought consequences for the entire period of human history.

Never seen before machines and devices were used in land and sea combat operations. As a result of mobilization of all countries around 74 000 000 people were affected by the conflict. 10 000 000 of them did not return from war, while 26 000 000 were injured in various fronts [1].

Being a part of the multinational empire, the South Caucasus nations also participated in the war. The Armenians and Georgians for the first time fought against the enemy with large forces not only in the Caucasus, but also in European fronts. The war in the South Caucasus became an arena for the manifestation of talent, quality and features of military forces. Many of those involved in the conflict obtained higher ranks and were awarded various medals and awards.

The interest to the number of problematic issues related to the First World War has not vanished even today. There is huge volume of various vocational literature in this sphere, even though the war has ended 100 years ago. One of these topics is the issue of participation of South Caucasus nations in the First World War. The question is problematic because since the First World War the Russian Army participating in combat operations involved different numbers of the non-Russian soldiers. Approaches to determination of such quantitative composition and to dating the information are often conflicting.

In case of Armenians, the figures vary from 200 000 [2] to 300 000 [3]. As for Georgians the figures vary from 130 000 to 200 000 [4], and participation of the Caucasian Tatars (now Azerbaijani) is within the range of 5 000 to 10 000 etc.

In our opinion, the most reliable way to assess the data is to first analyze the last years before the First World War. The Tsarist army soldiers were serving in the quantitative composition based on the new memorandum of mutual induction of the militaries, creating the recruitment problem.

On January 1, 1914, the South Caucasus was divided into Baku, Elisabethpol, Kutaisi, Tbilisi, Chernomoryan, into the provinces of Yerevan, Kars, and the provinces of Dagestan and Batumi, as well as Sukhum and Zaqatala districts, which together covered 214 693 1 sq. versts [5]. Before the war around 7 600 000 people lived in the South Caucasus. 40.6% of them or 3 087 537 belonged to different ethnic Tatar Muslims and mountaineers, 22.6 % or 1 721 717 were kartvelner people (Georgians), 22.2 % or 1 685 935 of them were Armenians, 7.7 % or 588 604 of them were Russians, 1.1 % or 85 593 persons were representatives of various nations (Germans, Poles, etc.). 5.5% or 423 366 – other nationalities: Jews, Abkhaz, Ossetians, Beam, Kurds, Yezidis, etc. [6].

The largest share of the population – the South Tatar Muslims and mountaineers (despite the fact that we are in a group) in turn were divided into many tribes. Many of them shared only religion.

Muslims did not serve [7] the Imperial armed forces on a regular basis, while the Christian population is generally the basic military service member (obliged to serve) of the armed forces of the Russian Empire. Christians were paid on an annual basis since 1887 [8].

The call-up began each year on October 1. On October 1 the 21 years old newcomers joined and stayed in the army for 20 years. The young Russian conscripts shared Christianity on equal terms. In the 20th century conscripts from the South Caucasus were to serve in the Tsarist Russian Armed Forces, so the region had some representation.

According to the yearly published document (the army-statistical directory published in 1912), at the end of the 19th century and in the beginning of the 20th century share of the Caucasian peoples in the Tsarist army ("Caucuses nations") was 2.16% [9], as for 1912. Taking into account the size of the Russian army (1 377 278) [10], it turns out that in 1912 around 30 000 Caucasians were serving in the Russian army. The universal manifesto of 1912 made changes in these figures by adding more conscripts. In 1914 (May 1 and 24) the laws related to [11] of the Russian Armed Forces introduced the ascending trend (definitely seen from 1912 to 1914). The number Caucasian peoples in the quantitative composition of the Tsarist army has also increased by July 1914, and by 19th reached about 50 000. More than 26 000 of them were Armenians [12]; Georgians – around 20,000, while the rest 4,000 – other Caucasian Christians.

Now let's look at the quantitative composition of the soldiers who participated in the war.

The general mobilization took place on July 18, 1914. It was declared along with the creation of the Caucasus Military District teams for a number of areas: 14 areas of the South Caucasus (Tbilisi, Gori, Telavi, Dushetii, Akhaltsikhe, Kutaisi, Senaki, Elisabethpol, Baku, Shusha, Batumi – Yerevan, War, Kars) [13] were created smoothly, but later it became clear that many deficiencies

have occurred in this process (improper calculation of conscripts, filing false documents, etc.), mentioned during the last attempt to correct the Caucasus military District command. According to the District commander on January 13, 1917 in Tbilisi the local brigade was responsible for the information presented from July 18, 1914 till January 1, 1917 including the induction of Caucasian nationalities [14].

On February 9, 1917 the local brigade commander in the Soviet Caucasus Military District headquarters [15] carried out an investigation and revealed that in July 19, 1914 - January 1, 1917 in Baku, Elisabethpol, Kutaisi, Tbilisi, and Yerevan states, in provinces of Kars and Batumi, Sukhumi and in Zaqatala district there were 396 204 people in the military, but among them only 304 164 were fitting for the military service. Eligible for the army: 42 712 Russians, 121 921 Armenians, 121 113 Georgians, 2 413 Germans, 3 221 Jews, 1 314 Tatars, and 11 470 representatives of other nationalities [16]. During the same period in the Chernomoryan province and in the region of Dagestan the following number of people have been recognized as good for the military service: 15 937 Russians, 677 Armenians, 983 Georgians, 139 Germans, 1 273 Jews, 150 Tatars, and 744 representatives of other nationalities [17]. Summing up the results above, it turns out that from July 19, 1914 to January 1, 1917 there were around 58 649 Russians prepared for the military service in the South Caucasus, 122 598 Armenians, 122 096 Georgians, 2 552 Germans, 4 494 Jews, 1 464 Tatars, and 12 214 representatives of other nationalities .

Obviously the soldiers were conscripted and served among the three ethnic groups: Armenians, Georgians and Russians.

If we add Armenian military conscription after the mobilization, the above mentioned figure (122 958) will increase. It turns out that on July 19, 1914 – the ethnic composition of the Russian troops in the service participating in the First World War was 26 000 people; around 174 000 ethnic Armenian soldiers were drafted exclusively in the South Caucasus [18] (the figures do not include voluntary movement of Armenian soldiers involved in the war, as well as the Armenian military recruits, to other areas of the Russian Empire).

As for the ethnic Georgian military, it should be noted that the above mentioned number increases and exceeds 122 096 people in 1917, In our opinion, as the result of the mobilization of 20 000 Georgian military conscripts by July 19, 1914 to the Russian troops, and at least 20 000 ethnic Georgians, the minimum number of the Georgian military recruits participating in the First World War in the South Caucasus will be 161 000.

In our opinion the number of Caucasian Tatars has increased from about 1 500 members to about 3 000. It is worth noting that the Caucasian Tatars were mostly used in military and non-military action works [19]. Of course, a certain amount of Caucasian Tatars in the Russian Armed Forces engaged in the military operations were the first of the Tatar elite representatives – 200 persons with aristocratic backgrounds, officers from various units of the regular army (mostly cavalry) participating in the military operations [20]. However, Tatars took part in the military operations within units of soldiers known as "Division of wildlife". Tatars of these units had a separate formation. According to some sources the maximum number of the regiment reached 2 000.

As a result, it turns out that more than 5 000 Caucasian Tatar soldiers took part in the war.

We should also note an interesting fact, that at the beginning of the First World War, in 1911 Armenians serving in the Russian army distinguished themselves as the South Caucasus peoples prepared to war. Number of Armenian drafted conscripts was 13 758, which was 99.2 % of all nationalities, and this is the primary indicator of recruits if we compare July 19, 1914 and January 1, 1917. In 1917 among 147 344 decent soldiers gathered 121 921 have been declared fit for the military service (82.7%). At the same time speaking about Georgians, 177 787 of Georgians soldiers were drafted and 121 113 have been recognized unfit for the military service (68.1 %) [21].

Unlike Georgians the soldiers were much more prepared in terms of the military service comparing to the figures of 1914. Just in Elisabethpol, Tbilisi, and Kutaisi provinces, Zaqatala and Sukhumi districts of Tbilisi and Kars provinces from 7 768 of newcomers 7 224 (92.9 %) were fit for the military service, while of 10 828 Georgians 7 571 recruits (69.9%) fitted, Jews – about 280 from 318 (88%), the other nations of the South – from 1 141 newcomers - 921 (80.7%) were fit in 1915. In 1916 this index was 7 601 to 7 158 (94.1%) for the Armenians, 10 536 to 7 033 (66.7%) for Georgians, 239 to 188 (78.6%) for Jews, 1 065 to 872 (81.8%) for the other Caucasian nationalities. In 1917 these figures were respectively: 8 659 to 8 366 (96.6%), 13 111 to 10 128 (77.2%), 503 to 437 (86.8%), 1 317 to 1 136 (86.2%). In 1918: 14 638 to 11 030 (75.3%), 14 949 to 10 391 (69.5%), 403 to 259 (64.2%), 1 269 to 1 053 (82.9%). In 1919: 13 295 to 9 866 (74.2%), 13 376 to 7 652 (57.2%), 398 to 284 (71.3%), 1 245 to 979 (78.6%) It should be noted that in 1915-1918 military enrollments were carried out ahead of time [22].

Summarizing the above said, we come to the conclusion that during the World War I about 450 000 soldiers from South Caucasus served in the Russian regular army. Among those drafted into the military at least 174 000 were Armenians, 161 000 – Georgians, 60 000 – Russians, 5 000 – Tatars, 4 500 – Jews, and over 45 000 of representatives of other Southern nationalities.

More than 450 000 active workers were taken from the economy of the South and appeared in various episodes of the First World War, thus endangering the survival of their families.

References:

1. During the Balkan fronts of World War I (Russian). – Moscow., 2002, p. 3.

2. Khatisyan A., The memories of mayor (Armenian). – Beyrut., 1991, p. 210; Parsamyan V.A., History of Armenia (1801-1917) Vol. 3 (Armenian). - Yerevan, 1967., p. 443; Armenian issue, Encyclopedia (Russian). – Yerevan., 1991, p. 259.

3. Avetisyan H., The victory of Armenian national unity, 1918 May (Armenian). – Yerevan., 1998, p. 13.

4. History of Georgia (editored by N. Berdzenishvili). – Tbilisi., 1960,

p. 297; Georgia-brief historical sketch (Russian). – Tbilisi., 1996, p. 57.

5. One square verstequal 1.138 square kilometer.

6. ''Caucasian Calendar'' for 1915, Department of Statistics (Russian). – Tiflis., 1914, p. 218-254.

7. South Caucasus Muslim population in instead of military service were paid taxes.

8. Golovin N. N., Russian war effort in World War (Russian). – Moscow., 2001., p. 17. https://doi.org/10.2307/1983521

9. Golub P.A., The Bolsheviks and the army in three revolutions (Russian). – Moscow., 1977, p. 21.

10. Golub P.A. The Bolsheviks and the army in three revolutions (Russian). – Moscow., 1977, p. 18.

11. Russian State military-historical Archives (RSMHA), f. 2000,l. 3, work 3451, news paper 8.

12. K. Pahlevanyan- Participation of Armenians in World War (analysis of the quantitative composition of the Armenian military) (Russian). – Tomsk., 2013, p. 275.

13. RSMHA, f. 1300, l. 1, work 170, n. 43.

14. RSMHA, f. 1300, l. 1, work 170, n. 43, p. 25.

15. RSMHA, f. 1300, l. 1, work 170, n. 43, p. 84.

16. RSMHA, f. 1300, l. 1, work 170, n. 43, p. 85.

17. RSMHA, f. 1300, l. 1, work 170, n. 43, p. 96-103.

18. Other areas of the Russian Empire were recruited at least 40,000 Armenian soldiers.

19. Istoriya Azerbaydzhana [History of Azerbaijan] (ed. by I.A. Guseynov, A.S. Sumbatzade), 3 vol. – Baku., 1960, Vol. 2, p. 746; "Baku", 1916, 20 August

20. History of Azerbaijan 1960, p. 746, ''Baku'' 1916, August 20 (Russian)

21. History of Azerbaijan 1960, p. 747, ''Baku'' 1916, August 20 (Russian).

22. RSMHA, f. 1300, l. 1, case 170, p. 85.

23. RSMHA, f. 1300, l. 1, case 170, pp. 92-94.

Information about author:

1. Karen Pahlevanyan – Candidate of History, Associate Professor, Lecturer of the Chair of World history and its teaching methods, Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan; address: Armenia, Yerevan city; e-mail: pahlevanyank@mail.ru

THE HISTORY OF THE SEARCH FOR A MODERN PERSON IN UKRAINE FROM THE PERSPECTIVE OF THE DANIEL LERNER'S THEORY: DID UKRAINE HAVE ANY CHANCE TO BUILD A MODERN PERSON?

T. Filiakova, Doctor
University of Vienna, Austria

Taking into account the Daniel Lerner's theory of modernization and economic development, designed to solve the problems of transition from the 'backwardness' to 'modernity' (very common in the West and reflected in the US desire to intelligently subdue 'the third world' countries), we will try to answer the question whether such person as I (Russian by nationality, having the Ukrainian passport and living in Vienna) can try to solve the following issues. Is there a modern person in Ukraine? Is there a chance for Ukraine to create or develop the modern person? Will this Ukrainian modern person correspond to the European concept of "modernity"? And can there also be another concept of "modernity" which differs from the European one? We will try to answer all these questions within the Lerner's theory of modernization.

Keywords: empathy, modern person, Lerner's Theory, social solidarity.

Conference participant,
National Research Analytics Championship

http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i10.1578

If we consider 'modernity' through the prism of the European concept of modernity, or as accessory to the European, then the Ukrainian society can't be modern in any way because of the simple reason, that we have no such level of social, economic, and political development as the Europe has. As a proof any economic reports could be taken into account, but the most banal – the yearly level of economic development across the countries [The Global Competitiveness Report 2014-2015]. According to these ratings Ukraine is on the 76th place and has never occupied the first places.

But this would be true if we looked from the point of view of that concept of 'modernity', which is imposed to the world community by the developed Europe. Why would all other countries actuallyreckon with these European concepts of 'modernity' and 'development'? Europe has imposed the complexof guilt and inferiority on the rest of the world. All are now striving to achieve this cherished modernity and the development level.

Generally, the very history of the 'modernity' concept shows the attempts to reveal it by various authors (once again mostly by the western authors), including Lerner [Lerner (1958): 44]; in my opinion this history itself predetermined the following Eurocentric trend of such a concept. I mean that actually all authors who started looking for answers to questions of existence of difference in development between the countries began to look for this distinction between notions of 'their' West and 'not their' East! But the world isn't bipolar! Why almost none of such studies ever even mention Russia (I am not speaking about Ukraine; Ukraine did not exist at that time, but the Russian Empire existed since the 18thcentury, and was taking the second place on Earth with the occupied land territory, namely 1/6 of the total land area; how could such a great land territory be overlooked?)? Besides, the Russian Empire (on the part of which the state of Ukraine was formed in 1991) had culture, which absolutely differed from any eastern one with its state, language, traditions, beliefs, ceremonies - everything that played a role in formation of the modern man was absolutely different - not eastern and not western. Just another – the Russian one.

So let's talk about the 'modern'. Almost in any sources, where such a concept of modernity is mentioned, the industrialization level is meant. As Peer Vriesreasons, it is all about the initial boom of development of 1810thand of country's trade distribution, when the world 'division of labour and division of wealth' occurred [Vries (2013): 273], which resulted in formation of industrialized and not industrialized countries, as well as the asymmetric development. However it shouldn't be forgotten that Industrialization in the Russian Empire was the response to the similar processes happening in the Western Europe, where the industrial revolution beganin the XVIII century. But even earlier, in the XVII century, the accelerated development of the industry began in Holland. In this regard, already under the reign of Peter I the need for the rapid industrialization of the country was recognized. According to R. Dupuy and T. Dupuy 'in the era of Ivan Grozny Russia had quite a developed industry and crafts. Especially a lot of progress has been achieved in the weapons and artillery affairs. In terms of production of guns and other weapons, their quality, diversity and properties Russia of that time was perhaps a European leader. By the size of the artillery park (2 thousand guns) Russia was superior to other European countries, and all the guns were of domestic production' (and Ukraine was the part of Russia) [Dupui (2004): 142-143]. As it is pointed out by the historian N. Rozhkov, in Russia of that time many other types of industrial and handicraft production were developing, including metal, furniture, tableware, linseed oil and so on. Some of these kinds of industrial products were exported [Rozhkov (1928): 24-29]. The first paper-manufacturing factory in the country was built under the reign of Ivan Grozny [Pokrovsky (1911): 117]. You can ask why am I talking about Russia, if the topic is about Ukraine? The answer is very simple: Ukraine did not exist at that time, it was only the region of the Russian Empire and just in 1991 Ukraine gained its independence. You might say, so that is the answer – there is no industrialization, no development, and therefore the first and essential element in achieving the status of 'modernity' is missing. I dare to protest – there was no Ukrainian state, but there was industrialization on its territory, as there was industrialization on the entire territory of present-day Russia. In the 20s-30s of the 20th

century in the Ukrainian territory the forced process of construction of the industrial enterprises of heavy and light industry was initiated. As Stalin said in his report of 1931: 'We are lagging behind the advanced countries for 50-100 years. We must cover this distance in ten years. Either we do it or they crush us' [Stalin (1951): 29.]. Thus, since the late 1920sand until 1941 hundreds of new industrial enterprises were built in Ukraine. The main enterprisescovered the entire territory of the USSR with their operations [Liber (1992): 322].

Cold War also played a huge role in the accelerated industrialization of the Soviet Union countries. Another thing is whether those funds from industrialization have been use drationally or not. In fact, the bulk of the revenue went for military purposes and settled in the pockets of the higher power echelons, while the vast majority of ordinary people did not catch a penny from this amount. As it is noted by J. Boffa: 'The growth of'shadow economy'is referred to the Khrushchev's years, although the latter tried to fight it with severe methods, including even the death penalty in cases of embezzlement or the largest theft of state property. But the real qualitative leap was made in the reign of Brezhnev and Kosygin. The reason for that was not only an inevitable weakening of state control, but an increase in the flow of goods, which was still insufficient to meet the needs of the increased population rate. Between these two events there was a direct link' [Boffa (1996): 68].

What else besides industrialization can help us to create a modern man, to reach the level of modern development and to make this process irreversible and progressive? Empathy – answers Lerner, arguing that modernization is a kind of mental shift, an achievement of a particular state of mind, which contributes to the achievement of the state of 'development', being an integral part of it. The presence of empathy implies the need for identification of social workers with the new political leaders and programs, new economic products and modern social institutions [Lerner (2000)]. In other words, according to this approach,the success of modernization and general reformation process depends on the degree of people's sense of involvement in the processes happening in the society, the degree of identification with the occurring transformations, the belief that these transformations are designed to improve their lives or reduce 'the fundamental concern'.

Lerner in 'The passing of traditional society' demonstrates how deep contradictions between the traditional and the modern have smoothed through the development of new traits such as empathy and horizons expansion. The sociologist argues, that in order to discuss the new values and styles of behaviour, learned in the process of modernization, individuals should be more flexible and be able to establish relationships with a variety of people. Individuals'are learning that empathy through participation in contemporary social forms such as factories, cities, schools, politics and the media' [Lerner (2000): 119]. The latter form the 'agenda' that is common for all or most social groups, thereby creating a consolidated social whole, united not only with project of the future, but also with the appropriate feelings about it, that is – shared with social well-being, which, of course, must be positive and constructive.

Thus, Lerner emphasizes the essential characteristic of social reform is the degree of social solidarity. It affects the type of social being that determines, in turn, the prospects of any macro-transformations. In one word, the success of modernization of society must be presented through solidarity. The desired degree of consolidation creates the necessary social well being – a social empathy. It is a vector, which is distributed on both macro and micro-social level, and without which the prospects of modernization and reformation become very problematic.

Of course we cannot say that Ukrainian society has no empathy at all. People are sharing such characteristics as: mutual influence of citizens on public policy, mutual responsibility and respect (between employers and employees), the equality between different nations, equal rights and duties of men and women, continuity and mutual respect between the older and younger generations, mutual responsibility and respect between the people and the authorities. I.e. the content of consciousness of the overwhelming majority of citizens includes the rules that can be defined as the constructive, based on the values of collectivism and democracy. But I would say that people share norms only on paper, in theory, but in practice there are: immutable bureaucracy, corruption, beating all records for its size, the lack of social benefits, wages below the subsistence level, poor goods and services quality and the lack of consumer protection. How can people even dream of some kind of empathy under such circumstances?

Having not found thus general use of the empathy term, I stumbled upon a term 'empathic joining'widely used in the scholarly circulation. It was introduced by the American social psychologist E. Staub, who was describing it as a special type of intra-group interaction, a peculiar form of empathy arising in the group, in which the 'emotional contamination acts as means for mutual influence and a source of satisfaction for the members of the group' [Staub (1992): 238]. In modern psychology, 'empathic joining' can mean a form of cognition of a person by a person, one way of emotional reaction of the subject (the reaction of compassion), determinant of human behaviour in social interaction, as well as a method of psychotherapy (see: [Hoffman (1987); Barlow (2008)]). As examples of 'empathic connection' in the sociological sense we can offer the support, for example, by the Soviet people of a number of programs and projects of the country's leadership, including: space exploration, the development of virgin lands, VI World Festival of Youth and Students (Moscow, 1957), Olympic Games 1980 etc. Empathic joining is emotional support of various kinds of community initiatives – from the protection of tropical forests to the movement of non-resistance, from the salvation of blue whales to assistance to children in Africa. Phenomena of the same order are nationalist enthusiasm and jingoism (it is enough to recall the jubilation in the US over the murder of Ben Laden in early May 2011, presented to the world an example of a high level of empathic connection of Americans to their President and the US military).

This is also the pride of 'our' army, 'our science', 'and cult of personality'. The main difference between the empathic joining and the 'simple' enthusiasm, which is covering sometimes large and small social communities, is that enthusiasm is usually short-lived and is optional in the identification sense, while empathic joining, as a rule, is characterized by long-term nature and involves even identification of the person to its subject. But, unfortunately, in modern Ukrainian society the situation with emphatic joining is more than negative. We can note the actual lack of identification of Ukrainian citizens with key political figures of the domestic political Olympus and political underground.

Thus, the macro-level of consolidation of Ukrainian society, to put it mildly, leaves much to be desired. The degree of social complementarity – identification with leading political figures, community development programs, new socio-economic and political institutions – is extremely low. Practically there is no empathic connection to the power entities – agents of social reform ('modernization'), and institutions, providing both the reform and daily operation of the society. The lack of empathy on the macro-level is no less dangerous than at micro social interactions. The situation is further exacerbated by the fact that the system of basic public relations of the Ukrainian society is, in fact, not sanctioned by the dominant norms, forcing all people to live and think in the notorious 'double standards'.

It is obvious that without the proper level of empathy, social complementarity and the proper level of consistency between the norm in the beliefs and practices of social factuality the necessary social well-being, which is intended to ensure the success of socio-economic development and the actual project to modernize the Ukrainian state, cannot be build.

Mass media. Lerner continues to ascend to the modernity. We need mass media says he. According to Lerner'irreversible' modernization process is inherently linked with the role of the media, which should give to developing countries an example of what actually should be pursued (based on the example of the West). And if Daniel Lerner, giving a leading role in the modernization to the media, is not interested in any type of media suitable for this role, then Wilbur Schramm [Schramm (1964)] and Itel de Sola Pool fill this gap. The second author emphasizes the contribution of commercial media, in particular the American media, to the modernizationprocess. Are they not more efficient (compared to social media) in a heightened sense of 'desire of another way of life'due to hosted persistent advertising [Pool (1963): 285]? This thesis, as a good cover for private and public American strategy, for example, is one of the common characteristics of elements of the development/ modernizationtheory. And what about Ukraine? Now we will talk about some specific points associated with implementation of the general premises concerning the European integration of Ukraine.

It is clear that any integration projects are doomed without the support of the media. After all, the media are one of the most important factors in the formation of public opinion in the world today. And without Ukrainian public opinion concerning the implementation of the European vector, the political elite have no chances to operate this project. However, the question arises – whether the Ukrainian media truthfully illuminate the situation in Europe, whether they are objectively analysing the need for to Ukraine to join the European community? Or more: whether the position of Europe on certain issues of political, economic and cultural life is revealed in the Ukrainian information space?

When we start answeringthese questions quite a negative picture is emerging. Illumination of events in European countries by Ukrainian media in most cases could not be called objective. And this is so due to various reasons. A specified majority of newspapers, magazines and television stations are in one or another degree affiliated with some political Parties, therefore, the information is presented through a very narrow angle of view. The others – the so-called yellow press and private radio stations – seek to attract the audience's attention to sensational scandals, crime news, and the private life of famous people. Finally, the government media is focused mainly on officialdom. As to the problem of the need for Ukraine to enter Europe, it is mostly only declared, but not supported by any arguments.

It should be noted that even in the media, which really set the direction for the European development of Ukraine and are trying to give the audience a true picture of life in Western Europe, there is almost no analysis of experience of countries which have already passed the stage of European integration. We are talking about the majority of the former communist bloc. Meanwhile, the experience of these countries is extremely interesting and instructive for Ukraine, because some problems as well as their solutions on the way of entering the Europe are commonfor all.

And what about Ukraine? In Ukraine, in addition to hot-Civil war, the Cold War is taking place. Thus, the television offices broadcasting Russian TV are destroyed, criminal cases against Russian actors are opened, TVseries with the 'wrong' actors who supported the Donbas are banned. There is no alternative.

Finally, institutions. As written by Vries: '(Western) Europe, in their view, was institutionally different and that is fundamental in any explanation of the Great Divergence' [Vries (2013): 320]. Michael Mitterauer, Vriescontinues, also thinks the roots of European exceptionalism are deep and to a large extent institutional [Vries (2013): 320]. So why, then, there is no development in Ukraine?Where is the Ukrainian modern man and can he/she be created in Ukraine?

Now at the highest administrative level proud promises are made to pull Ukraine closer to Europe. It seems that this country has always been in the background of Europe, almost a beggar, and now has a chance to become related to Europe, and, therefore, to move towards success.

Ukrainian ruling elite, of course, are interested in the image of previous backward and exhausted Ukraine, as such a past is rehabilitating the present. That present, to which the ruling elite and the political and corporate business

had lowered the country. For this reason it became forgotten that in Soviet times Ukraine was famous not only for its technologically advancement and advanced science, culture and education, but it was a developed country of the Soviet Union.

The present Ukraine is considered in Europe as one of the most backward countries. It seems that the reasons for the fall of Ukraine can be found in the sphere of economic. But then the question arises: where did this bad economy come from? To answer this question, we must turn consider not only economic but also moral and spiritualstate. In this respect, even Lev Gumilyov gave the formula: 'The Spirit is over matter'. In this context the following statement of Vsevolod Chaplin – the head of department on cooperation of church and society (Russia) attracts our attention. He declared: '...If the government does not want to be gnawed out slowly, and people – to feed ... someone else's business, you need to go to the dictatorship of conscience and will. Will political and moral' [Bychkov (2012)].

Let us recall that the phenomenon of the economic miracle, whether it was the time of Britain Protestantism, or the period of China Deng Siaoping's reforms, or the Soviet industrialization and changes in the 1928-1935, always were based on the explosive enthusiasm and belief in the future.But converse is also true: spiritual oppression, lacks of faith and moral strain are not compatiblewith economic success. And the fact that Ukraine is now economically weak is not based only on miscalculations in the government's economic development. It is not only because of the variety of the proposed models or wrong ways to implement them. The most devastating influence is brought by non-believers in fate and the oppressed spirit. The most striking thing in this context is that the majority of Ukrainians do not consider themselves to be the creators of their own destiny. The same pessimism appears in the hopes for improvement of future live.

Conclusions. So are there nevertheless modern men in Ukraine? Have they ever been there? Or maybe there is a chance to grow them in the present conditions? Being nevertheless a Russian by nationality, having Ukrainian passport and living in Vienna, I would say that Europe probably will never see people from countries such as Ukraine in the 'developed' or 'modern' lists. People from pro-Soviet space in Europe are being treated with biases and perceived as a yoke on the neck of socialism. It is harder for us to nostrify our diplomas, sometimes even impossible, it is more difficult to find a job. The existing stereotypes about us are not always good (as well as about all the 'foreigners'actually). In spite of this, people in Ukraine, as in all countries, are different, but they are educated, kind, sympathetic, friendly, and certainly not less developed than the Europeans. They have another kind of development itself, not the European one, but it is clear that they have another historical heritage, can never go back to the beginning of the 19th century and get ahead of England in terms of economic and industrial development. But why actually that very Britain and its environment expressed by the modern Europe were considered possible to accept and use the only single 'quality standard' of development, a single version of modernity? Who granted them this right? And why all others considered by Europe to be 'not developed countries'have to feel all the time like 'catching up'? May it be enough to measure everything within the same Eurocentrism standards?

References:

1. Boffa Dzh. Ot SSSR k Rossii. Istoriya neokonchennogo krizisa. 1964-1994 [From the USSR to Russia. History of the unfinished crisis. 1964-1994]., Per. s it. Khaustovoy L.YA. [Translated from Italian by Khaustova L.Y.] - Moskva., Mezhdunar. Otnosheniya [International relationships], 1996. - 320 p.

2. Bychkov S. Diktatura sovesti "Moskovskiy komsomolets" № 25838 ot 10 yanvarya 2012 [Dictatorship of conscience "Moskovskij Komsomolets" No. 25838 from January 10, 2012]., Access mode: http://www.mk.ru/social/article/2012/01/09/658842-diktatura-sovesti.html (Last call 19.08.2015)

3. Vse voyny mirovoy istorii, po Kharperskoy entsiklopedii voyennoy istorii R. Dyupyui i T. Dyupyui s kommentariyami N. Volkovskogo i D. Volkovskogo [All military conflicts in history according to the Harper Encyclopedia of Military History by R. Dupuy and T. Dupuy with commentaries by N. Volkov and Dmitry Volkov]. - St. Petersburg., 2004, Vol. 3, pp. 142-143.

4. Kul'tura imeyet znacheniye. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu., Pod red. L. Kharrisona, S. Khantingtona [Culture matters. How values contribute to social progress. Edited by L. Harrison, S. Huntington]. - Moskva, Moskovskaya Shkola Politicheskikh Issledovanii [The Moscow School of Political Studies, 2002., Access mode: http://msps.su/files/2010/12/Wer_culture-matters1a.pdf (Last call 19.08.2015) https://doi.org/10.2307/20049748

5. Pokrovskiy M. Russkaya istoriya s drevneyshikh vremen. Pri uchastii N. Nikol'skogo i V. Storozheva [Russian history from ancient times. With the participation of N. Nikolsky and B. Storozhev]. - Moskva, 1911, Vol. III.

6. Rozhkov N. Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (osnovy sotsial'noy dinamiki) [N. Rozhkov Russian history in comparative historical illumination (basic social dynamics)]. - Leningrad-Moskva, 1928, Vol. 4, pp. 24-29.

7. Stalin I.V. Sochineniya [The works]. - Vol. 13. - Moskva, Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. [State publishing house of political literature, 1951].

8. «Ukraíins'ke suspíl'stvo 1992-2011 rr. Sotsíologíchniy monítoring» ["Ukrainian Society 1992-2011. Sociological Monitoring"]., Access mode: http://i-soc.com.ua/institute/el_library.php (Last call 19.08.2015)

In English and in French:

1. Barlow D.H. (ed.) (2008): Clinical Handbook of Psychological Disorders: A Step-by-Step Treatment Manual. - New York., The Guilford Press. https://doi.org/10.4088/jcp.09bk05278

2. George Liber (1992): Soviet nationality policy, urban growth, and identity change in the Ukrainian SSR, 1923-1934. - 322 p. https://doi.org/10.1017/cbo9780511562914

3. Hoffman M.L. (1987): The Contribution of Empathy to Justice and

Moral Judgment., Empathy and its Development. – Cambridge., Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/cbo9780511805851.009

4. Ithiel de Sola Pool (1963): Le rôle de la communication dans le processus de la modernisation et du changement technologique., Bert F. Hoselitz et Wilbert E. Moore (dir.), Industrialisation et société. – Paris., Unesco. – 285 p.

5. Lerner, Daniel (1958): Modernizing Styles of Life: A Theory, in Ders: The passing of Traditional Society. Modernizing the Middle East. - Gemcoe. – 466 p. https://doi.org/10.2307/2145947

6. Lerner D. (2000): The Passing of Traditional Society: From Modernization to Globalization: Perspectives on Development and Social Change. – Oxford., Blackwell Publishers. https://doi.org/10.1177/097172180000500213

9. Staub E. (1992): The Roots of Evil: The Origins of Genocide and Other Group Violence. - Cambridge., Cambridge University Press. – 352 p. https://doi.org/10.2307/2072322

7. The Global Competitiveness Report 2014–2015., Access mode: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015 (Last call 19.08.2015) https://doi.org/10.4337/9781782548034

8. Vries, Peer (2013): Escaping Poverty. The origins of modern economic growth. In: Vienna University Press. – 320 p. https://doi.org/10.14220/9783737001687

9. Schramm W. (1964): Mass media and National Development; the Role of Information in the Developing Countries. - Stanford CA., Stanford University Press. – 360 p. https://doi.org/10.2307/1953067

Литература:

1. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994., Пер. с ит. Хаустовой Л.Я. — М.: Междунар. отношения, 1996. — 320 с. (J. Boffa. From the USSR to Russia. History of unfinished crisis. 1964-1994: Trans. From it. Khaustova LY - M., Intern. relationship, 1996. - 320 p.).

2. Бычков С. Диктатура совести "Московский комсомолец" №25838 от 10 января 2012., URL: http://www.mk.ru/social/article/2012/01/09/658842-diktatura-sovesti.html (Last call 19.08.2015) (S. Bychkov Dictatorship of Conscience "Moskovsky Komsomolets" № 25838 from the January 10, 2012).

3. Все войны мировой истории, по Харперской энциклопедии военной истории Р. Дюпюи и Т. Дюпюи с комментариями Н. Волковского и Д. Волковского. - СПб., 2004, кн. 3, с. 142-143. (All histories of World War II, within the Harperskoy military history encyclopedia R. Dupuis and T. Dupuis with commentary of N. Volkov and Dmitry Volkov. SPb., 2004, Vol. 3, p. 142-143).

4. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу., Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. - М., Московская Школа Политических Исследовании, 2002., URL: http://msps.su/files/2010/12/Wer_culture-matters1a.pdf (Last call 19.08.2015) (Culture matters. How values contribute to social progress., Ed. L. Harrison, Samuel Huntington. - M., The Moscow School of Political Studies, 2002). https://doi.org/10.2307/20049748

5. Покровский М. Русская история с древнейших времен. При участии Н. Никольского и В. Сторожева. - Москва, 1911, т. III. (Pokrovsky Russian history from ancient times. With the participation of N. Nikolsky and B. Sentry. - Moscow, 1911, t. III).

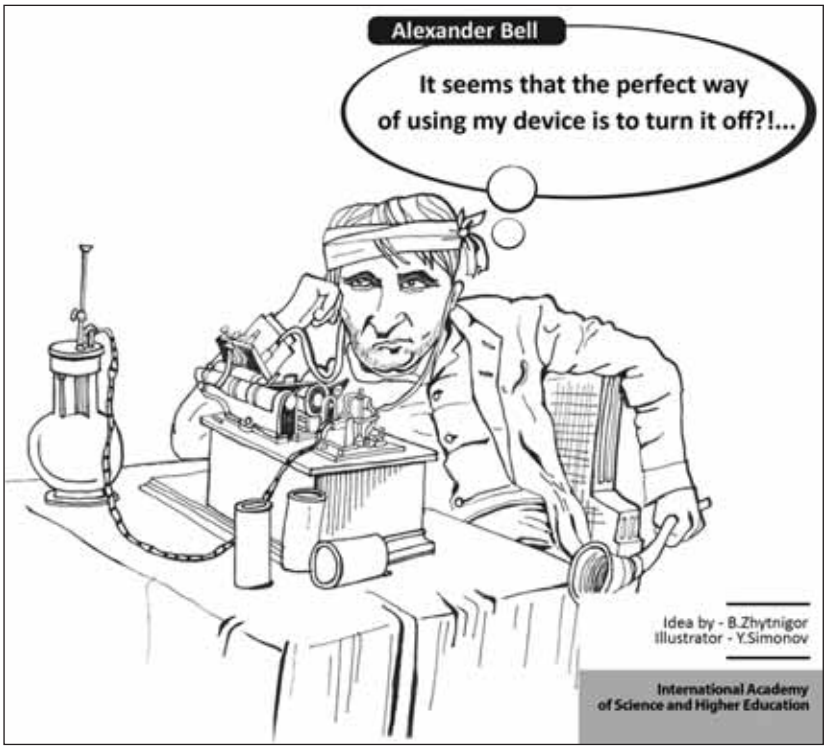
6. Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). - Ленинград-Москва, 1928, т. 4, с. 24-29. (N. Rozhkov Russian history in comparative historical illumination (basic social dynamics). Leningrad - Moscow, 1928, vol. 4, pp. 24-29).

7. Сталин И.В. Сочинения. - Т. 13. М., Государственное издательство политической литературы, 1951. (Stalin The works. - V. 13. - M., State Publishing House of Political Literature, 1951).

8. «Українське суспільство 1992-2011 рр. Соціологічний моніторинг»., URL: http://i-soc.com.ua/institute/el_library.php (Last call 19.08.2015) ("Ukrainian Society 1992-2011. Sociological Monitoring").

Information about author:

1. Tatiana Filiakova – Doctor, University of Vienna; address: Austria, Vienna city; e-mail: tatiana.filakova@ludi.in.ua



"MUSIC = LIFE" AND "SILENCE = DEATH" IN THE TENGRIAN PHILOSOPHY OF IMMORTALITY

S.Sh. Ayazbekova, Doctor of Philosophy., Full Professor, Corresponding member of IASHE, Corresponding Member of RAN
International Turkic Academy, Kazakhstan

The paper is devoted to exploration of the Tengrian religion and the religious outlook of the Turkic nations. At its core there is the cosmocentric model of the world with its philosophy of immortality. Analysis of numerous archaeological artefacts allowed us to make a conclusion that the concept of Silence (as a pause in turning of the wheel of immortality), and Music (as a phenomenon of eternal Life) have been imprinted in the Turkic philosophy throughout the history, and have remained its element.

Keywords: Turkic philosophy, music, life, death, immortality, Tengrism.

Conference participant,
National Research Analytics Championship

«МУЗЫКА=ЖИЗНЬ» И «ТИШИНА=СМЕРТЬ» В ТЕНГРИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ БЕССМЕРТИЯ

Аязбекова С.Ш., д-р филос., проф., чл.-кор. МАНВО, чл.-кор. РАЕ
Международная Тюркская академия, Казахстан

Доклад посвящен тенгрианскому мировоззрению тюрков, в основе которого – космоцентрическая модель мира, с присущей ей философией бессмертия. Анализ многочисленных артефактов и ценностей позволил сделать вывод о том, что на протяжении многих тысячелетий в тюркской философии существовало и сохранилось до сегодняшнего дня в своей неизменности представление о Тишине как паузе в круговороте бессмертия, а Музыке как феномене бесконечной Жизни.

Ключевые слова: тюркская философия, музыка, жизнь, смерть, бессмертие, тенгрианство.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i10.1579

«Музыка=жизнь» и «Тишина = смерть» – эта дилемма нашла широкое отражение в тюркской философии. Тенгрианское представление о времени и пространстве, о жизни, смерти и бессмертии сформировало цикличность мировосприятия, а потому оппозиция «Жизни и Смерти», «Музыки и Тишины» не проявлялась в разделенной конфликтности, а реализовалась в диалектической одновременности и многовариантной циклической повторности, когда начало цикла было связано с концом предшествующего цикла, а концу неизменно сопутствовало начало следующего цикла [1].

Согласно тенгрианским представлениям, человеческая душа, будучи частью души Вселенной, бессмертна, а потому ее движение циклично. Ее движение подчинено идее бесконечности человеческого бытия, и потому она проходит ряд перевоплощений: от жизни – к смерти и от смерти – к жизни. Так, тюрки не говорят «умер», а говорят «улетел». Это весьма специфическое восприятие смерти зафиксировано в Большой надписи (53) Стеллы Кюль-тегина – соправителя Второго тюркского каганата. В эпитафии Кюль-тегину, памятнику письменности тюрков, созданному в VIII веке, сказано: «Кюль-тегин улетел в год овцы в семнадцатый день, в девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили похороны» [2].

Представление о полетности души связано также и с тем, что живая душа «звучала», тогда как душа «улетевшая» ассоциировалась с утерей голоса человека и с его смертью.

Автономность души от физического тела человека, ее связь со звуком-голосом была сопряжена с представлением о некоей автономности бытия музыки от ее создателя. Так, хайджи (певец и сказитель в тувинской культуре) «отпускает» свой голос, а его песня становится «подаренной» народу ценностью:

«Выходящего изо рта голоса своего
В песнях немало истратил я (сам).
В гости приехавшему другу
Веселую песню спою я.
В упряжке ходящего коня
По зеленой степи рысью бежать пустил.
В груди моей таившиеся мелодии,
Чтоб слушал весь народ, пою» [3].

В тюркском мировоззрении рождение человека, начало жизни было множественными нитями связано с предшествующими поколениями и жизненными циклами, а конец жизни воспринимался как начало следующей. А потому и составляющие оппозиции «Музыки и Тишины» не были отделены друг от друга пространственно, они существовали только во взаимосвязи как временные циклы.

Не случайно поэтому, казахский мыслитель XIX в. Абай Кунанбаев так определил значение песни в жизни казахов:

Двери мира тебе открывает – песня.
Двери смерти тебе открывает – песня.
Внимай ей, казах, постигай ее мудрость.
Всей жизни твоей сопутствует песня.

Рождение. Музыка детства

Рождение ребенка в тюркской семье – это, прежде всего, его переход из Верхнего Небесного Мира в Средний Земной Мир. Этот переходный период длится с момента обнаружения беременности до 1 года ребенка. Разнообразны обряды «отделения», «промежуточные» и «включения» (термины А. Ван Геннепа [4]) в тюркской культуре, направленные «на введение ребенка в мир». В тюркской цивилизации, космоцентричной в своей основе, именно Музыка и гармоничное сочетание звуков и всего звучащего, играло особую роль в процессе включения новорожденного в Средний Мир (мир людей).

Музыка является одним из самых древних и самых сильных по степени и многофункциональности воздействия на детей видов искусства.

Не случайно поэтому, в культуре всех народов мира издревле существует целый пласт детской музыкальной субкультуры. Особенность этого пласта культуры состоит в том, что в отличие от других субкультур, имеющих зачастую функциональную однородность и направленность, музыка выполняет множество функций, направленных на формирование и гармонизацию разнообразных потребностей развития детей. Среди них можно выделить следующие: функция «включения в Мир», физическо-биологическая, социальная, психологическая, речевая, коммуникативная, игровая, этно-культурная, духовно-нравственная, эстетическая, трудовая, познавательная [5].

Разнообразие функций, которые возникают в процессе воспитания детей, обуславливает большое разнообразие жанров и музыкально-стилевых закономерностей, форм и содержания в музыкальном искусстве тюркских народов. Вместе с тем, одни и те же жанры и формы могут выполнять разнообразные функции (к примеру, колыбельная, может выполнять как отдельную функцию, так и практически все в одновременности).

При этом музыка в домашнем воспитании тюркских народов воздействует на мир детей комплексно, поскольку способствует «включению» в целостный мир: с его пространственным и временным членением, языком и культурой, морально-нравственными требованиями, потребностями в определенных видах трудовой деятельности общества. Музыка «включается» и там, где требуется переход из одного состояния, возраста, ситуации в другие; с ее помощью происходит постижение родного языка, формируется речь, укрепляется и совершенствуется физическое тело ребенка. И поэтому самая главная функция, а точнее – суперфункция, которую осуществляет музыка – это гармонизация ребенка с миром, обществом взрослых и детей, гармонизация внутреннего мира самого малыша, его духовных, интеллектуальных и физических потребностей. А это значит, что исторически тюрками была выработана такая система семейного воспитания, в которой музыка не только «включала» его в Мир небесный и земной, но и способствовала многостороннему развитию детей в соответствии с их многообразными потребностями.

Смерть. Музыка похоронного цикла

Похоронный цикл у тюрков, как и у многих других народов, является самой консервативной частью традиционного мировоззрения, в которой сконцентрированы представления о жизни, смерти и бессмертии. Сопровождаемый множеством обрядов, этот цикл, как никакой другой свидетельствует о той роли музыки, в которой отчетливо проявляется тенденция к угасанию звука и его «воскрешению».

В тюркской культуре существует целая система музыкальных жанров похоронного цикла, которая объединяется общим названием «песни скорби и печали».

Қоштасу (каз.), коштошуу (кырг.) – песни прощания. Основная тема этого жанра – прощание умирающего с родной землей, семьей, друзьями, любимым конем, охотничей птицей.

В тюркской музыкальной культуре существует также отдельный музыкально-поэтический жанр, функция которого – извещение о смерти и утешение близких. В казахской культуре – это *естірту*. Призванный сообщить о смерти близких людей, этот жанр опирается на аллегорию, иносказательность, сопоставления с явлениями природы и животного мира, которые повествуют о скоротечности земного существования.

Наглядным примером этому является легенда «Ақсақ құлан», распространенная у тюркских и монгольских народов, повествующая о том, как инструментальный жанр кюя «сообщает» хану о смерти его сына. Закономерен с точки зрения тенгрианского мировоззрения финал, когда заливается свинцом музыкальный инструмент, сообщивший эту скорбную весть.

Извещение о смерти *(естірту)* переходил в песни-утешения – *көніл айту* и *жубату*.

Вера в жизнь души в ином мире нашла отражение и в *песнях-плачах* по умершему (*жоқтау* – у казахов, *кай* – горловое пение у поволжских татар, *«Йиги» «Йуклов», «Овоз солиш», «Овоз бароварди», «Нола»* – у узбеков).

Песни-плачи исполняются при выносе из дома и, судя по всему, обозначают выход из «своего пространства», начало вхождения в «иное пространство». Наряду с выражением скорби, оплакиванием умершего, в жоқтау воспеваются его достоинства и лучшие качества. Если рассматривать этот жанр в контексте «перехода» из одного мира в другой, то в нем явственно можно проследить «презентационную» функцию – своего рода «представления» умершего перед «иным миром». Тем самым обозначается первый этап «ухода» из «этого мира». В совокупности этот процесс призван завершить один цикл, чтобы открыть следующий.

Что касается придания тела земле, то эта часть похоронного цикла проходит в полной тишине. Затем в течение целого года дважды в день – при восходе и заходе солнца исполняются песни-плачи [6]. Здесь очевидно, как на этап «конца» накладывается новый этап – «начала». Думается, что не случайно выбрано именно это время исполнения – время «рождения» и «умирания» дня. Будучи следствием космических процессов, это время было сакральным, а сакральное время – это время единства космического пространства – земного мира и небесного (мира аруахов), время единства процессов рождения и смерти (умирает один день, зарождается другой).

Так, Музыка вновь звучит тогда, когда конец одного цикла (дневного солнечного) налагается на начало следующего (ночного лунного), что свидетельствует о семантике бесконечности и бессмертия души, способствуя тем самым ушедшему – будущее воскрешение, а оставшимся – душевный покой.

В последующих циклах прохождения в «иной мир» – в 7 дней, 40 дней, годовщина со дня смерти - вновь звучат песни-плачи, которые опять-таки регламентируются временем и продолжительностью пения [7].

В пользу того, что песни-плачи выполняли функцию перевода в мир иной говорят и плачи южных чувашей, у которых плач при отправлении

называется «издавание звука» *(сас=к=лараёё)*, его цель направлена на то, чтобы ушедший «не ходил на том свете немым, без звука» [8]. Аналогично этому называются и другие песни-плачи по умершему у казахов – песни *«Дауыс»* (голосить, причитать), *«Жылау»* (причитать).

Особенностью всех тюркских похоронно-поминальных песнопений-плачей является то, что их исполняют только женщины, что, возможно, связано с представлением о включенности женщины в циклический процесс бессмертия и зарождения новой жизни.

Роль песни-плача в похоронном обряде у многих тюркских народов была столь значительной, что в городских культурах (к примеру, у узб., азерб., турк.) практиковали даже приглашение на похороны специальных плакальщиц.

Эта песенная традиция проявилась и в более позднее время, в период распространения ислама в ритуальных песнопениях обряда радения – *садре и зикре* (поминках). *Садр* проводился при похоронах молодого человека. Суть обряда состояла в том, что женщины вставали друг за другом, образовывая круг, начинали медленно двигаться и в напевной и стихотворной форме рассказывали о своем горе. Песни-плачи являлись и составной частью *зикра* – в трехдневные, двадцатидневные и сорокадневные поминки [9].

В тюркской культуре, наряду с песнями-плачами, существуют и кюи-плачи (*зар, жоқтау, естірту, жұбату* – у казахов). Эти кюи выходят за рамки оплакивания умершего, и, как правило, выражают тенгрианские представления о смерти [10].

Ритуальная смерть

В тенгрианском мировоззрении, связанным с пониманием цикличности, реинкарнации-перевоплощении, существует представление о ритуальной смерти.

Ритуальная смерть является формой перехода из одного состояния в другое, из одного времени-пространства в другое. Смена циклов и состояний всегда сопровождается музыкой.

Ритуальная смерть возникает в периоды перехода человека из одного возрастного периода в другое (время мушеля), изменения социального статуса (к примеру, выборы хана), перехода из одного родового пространства в другое (замужество), изгнание из родового пространства (насильственное выселение из аула).

С этим, возможно, был связан и феномен личных песен у всех тюркских народов, создаваемым каждым человеком в периоды соприкосновения с сакральным – «иным» миром. Музыка, согласно неписаным законам степного бытия, включалась в те моменты жизни каждого человека, когда рождался или распадался микрокосмос и необходимо было вновь воссоздать разрушенную или утраченную гармонию. Так, родившемуся ребенку мать поет свою колыбельную; со своим *«Туган жер»* прощается девушка с родными перед дорогой в другой для нее дом – дом мужа; провожая в путь, благословляя, давали свое *бата*; свою песню *«Жиырма бес»* слагали, прощаясь с молодостью; своим *«жоқтау»* – песней-плачем провожали близкого человека в последний путь. А если вспомнить многочисленные *«толғау»* и лирические песни, то можно с уверенностью сказать, что каждый индивидуум в традиционной казахской культуре является создателем того или иного «музыкального сообщения» – «музыкальной ценности». Именно это в большей мере и определило чрезвычайно многообразие тюркского музыкального языка [11].

Песни-плачи невесты *(сынсу, кызтанысу)* – прощание с отчим домом, родным аулом выражают собой ритуальную смерть. Символичен конец этого цикла – умирания девушки как члена своего рода. В древности он ритуально обозначался завертыванием девушки в ковер (так же, как и умершего).

Ритуальная смерть также отражает представления тюрков о жизни, смерти и бессмертии. Ритуальная смерть в родовом пространстве отца перетекает в «воскрешение» в родовом пространстве мужа. При этом девушка «воскрешается» не в своем физическом возрасте, а ритуально – в возрасте ребенка [12]. Промежуточным жанром смерти-воскрешения, а также жанром, объединяющим этот процесс в единое целое, является песня состязание (*Жар-жар* – у казахов, *Ёр-ёр, Улан* – у узбеков) в исполнении двух групп – мужской и женской. Неизменна в нем победа мужского начала, преобладание эмоций радости и праздника.

Начало новому циклу сопутствует переодевание невесты и смена «укрытия» как поэтапного, постепенного рождения-возрождения. Ковер сменяется белым покрывалом, открыть его может только тот, кто исполняет песню. Тем самым наглядно вновь обозначается роль музыки в «рождении» нового члена рода мужа. Характерны с точки зрения «рождения нового члена семьи» песни, исполняемые в ауле (доме) мужа *(Бет-ашар* – у каз., *Келин салом* или *Хазор али* – у узбеков, *«Дуахгапма»* – у азерб.). Исполнение этой песни-обряда является подтверждением ее вхождения в род мужа.

Смысл песни *бет-ашар* сводится к знакомству девушки с новой семьей. О каждом члене семьи музыкант споет отдельный куплет, одновременно давая наставление девушке о том, когда она должна себя вести по отношению к каждому члену семьи. Здесь же перечислялись все обязанности девушки, которые она должна была исполнять в новой семье:

Ты при ранних, невестушка, вставай
лучах,
Не торчи, невестушка, у всех на глазах.
Коль в кибитке скот подойдет
впотьмах,
Палки не ломай на его боках.
Языком, невестушка, не болтай,
Даром сплетен, невестушка, не пускай,
Стариков, невестушка, уважай,
И дорогу, невестушка, им давай [13].

К ритуальной смерти приравнивается и изгнание из родового пространства, которое могло произойти по нескольким причинам: нарушения законов (изгнание членами рода), а также быть результатом военных (изгнание внешними врагами) и политических событий (колониальное изгнание). Любое изгнание с родных мест, независимо от причин, было равносильно смерти, а потому сопровождалось пе-

сенным жанром, близким с комплексом похоронных жанров.

Тем самым, цикл «Жизнь-Смерть» сопровождается музыкой, тогда как Смерть ассоциирована с Тишиной.

Так, к примеру, на территории Азербайджана возводились специальные погребальные сооружения, где изолировались от мира живых людей тела умерших. Эти башни имели весьма символичное название – «Башни Молчания» [14], что отражало тенгрианские представления тюрков о звуке как свойстве жизни и тишине как свойстве смерти. В эти башни могли зайти только жрецы-шаманы как медиаторы миров.

Вместо заключения

Восприятие Музыки как глубоко духовного начала, связанного и определяющего жизнь человека, сохранилось и тогда, когда многие тюркские народы приняли ислам, христианство или буддизм. Появившиеся новые для тюркских народов канонические ритуальные музыкальные жанры были, как правило, адаптированы к тюркским музыкальным традициям, специфике музыкального языка и музыкального мышления. Новые традиции не смогли вытеснить тенгрианскую основу миропонимания, не смогли они уничтожить и те музыкальные жанры и формы, которые издревле существовали в тюркской музыкальной культуре.

И все же следует признать, что проникновение ислама, христианства и буддизма приводило к секуляризации картины мира, к ее сужению – от космоцентризма к теоцентризму. Поэтому у тех народов, у которых это воздействие имело масштабный характер (в особенности, у оседлых народов), Музыка Мира, как музыка Макро-и микрокосма стала постепенно исчезать. И не случайно поэтому, Музыка души начинает все больше и больше выполнять этические, эстетические и педагогические функции. Однако обрядовая музыка все же смогла сохранить самую главную функцию древней тюркской музыки – функцию внедрения в Мир. В особой мере это проявилось в наиболее консервативной части – музыке детства и похоронной музыке, поскольку они не входили в полной мере в религиозную исламскую, христианскую или буддийскую жизнь тюркского суперэтноса.

Тем самым, на протяжении многих тысячелетий в тюркской философии существовало и сохранилось до сегодняшнего дня в своей неизменности представление о Тишине как некоей паузе в круговороте бессмертия, и Музыке как феномене бесконечной Жизни.

References:

1. Mukhambetova A.I. Tengrianskiy kalendar' kak osnova kochevoy tsivilizatsii (na kazakhskom materiale) [Tengrian calendar as the basis of nomadic civilization (based on the Kazakh material)]., Amanov B.ZH., Mukhambetova A.I. Kazakhskaya traditsionnaya muzyka i XX vek [Kazakh traditional music and the XX century]. – Almaty., Dayk-Press, 2002., pp. 11-53.

2. Malov S.Ye. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. Teksty i issledovaniya [Monuments of the Ancient Turkic Literature. Texts and studies]. - Moskva-Leningrad, 1951. - 451 p.

3. Sagalayev A.M., Oktyabr's-kaya I.V. Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual [Traditional worldview of the Turks living in the South Siberia. The sign and the ritual]. – Novosibirsk., 1990, pp. 143-160.

4. Arnol'd van Gennep. Obryady perekhoda. Sistematicheskoye izucheniye obryadov [Rites of passage. The systematic study of rites]., Per s frants. YU.V. Ivanova [Translated from French. By Yu. Ivanova. – Moskva, Vostochnaya literatura RAN [Eastern Literature Academy of Sciences], 1999. – 198 p. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226027180.001.0001

5. Ayazbekova S.Sh. Funktsii muzyki v vospitanii detey (na primere tyurkskoy kul'tury)., 82-aya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Sub»yekt i ob»yekt poznaniya v proyektsii obrazovatel'nykh metodik i psikhologicheskikh kontseptsiy»., 2 etap pervenstva po pedagogicheskim naukam [The functions of music in childrearing (on the example of Turkic culture), 82nd International Scientific and Practical Conference «Subject and object of cognition in a projection of educational techniques and psychological concepts», 2nd stage of the championship in Education]. - London., Mezhdunarodnaya Akademiya Nauk i Vysshego Obrazovaniya (Velikobritaniya) [Academy of Sciences and. Higher Education (UK)], 2014, Access mode: http://gisap.eu/ru/node/50325 https://doi.org/10.18007/gisap:es.v0i6.826

6. Auezov M. Ustnoye tvorchestvo kazakhov. [Kazakh verbal creativity], Access mode: http://el.kz/m/articles/view/content-3693.

7. Musakhan O. Traditsionnaya pesennaya kul'tura kazakhov Mongolii. - Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni iskusstvovedeniya. [Traditional song culture of the Kazakh people of Mongolia. - Abstract of the thesis for the degree in art]. – Almaty, 1997., pp. 13-14.

8. Pokhorony, potustoronnyaya zhizn' [Funeral, afterlife], Access mode: http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=./86/3743/3437/3715.

9. Pokhoronnyye traditsii uzbekov., Uzbekistan. [Funeral traditions of the Uzbek people, Uzbekistan], Access mode: http://www.uzbekistans.ru/kultura-i-tradicii/poxoronnie-tradicii-uzbekov.html

10. Omarova G.N. Kobyzovaya traditsiya. Voprosy izucheniya kazakhskoy traditsionnoy muzyki: Monografiya [Kobyz tradition. The study of the Kazakh traditional music: Monograph]. – Almaty., 2009., pp. 87-88.

11. Ayazbekova S.SH. Kartina mira etnosa: Korkut-ata i filosofiya muzyki kazakhov [World view of the ethnos: Korkut-Ata and Kazakh music philosophy]. - Almaty., Institut filosofii i politologii Ministerstva obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan [Institute of Philosophy and Political Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan], 1999.

12. Kokumbayeva B.D. Vzaimodeystviye semeyno-obryadovykh i liricheskikh pesen kazakhov (Plachi i pesni temy utraty): Diss. … kand. iskusstv. [Interaction of family ritual and lyric songs of the Kazakhs (lamentations

and songs about the loss): thesis by the Candidate of art]. – Tashkent., 1988.

13. Istoriya Kazakhstana (Istoriya Kazakhskoy SSSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney). - Izdaniye 1943 g. 3-ye izdaniye. [History of Kazakhstan (the Kazakh Soviet history from ancient times to the present day). - 3rd Edition, 1943] – Almaty, 2011., p. 83.

14. Istoriya meditsiny v Azerbaydzhane [The history of medicine in Azerbaijan]., Access mode: http://www.brupharm.az/ru/statyi-o-raznom/4-2010-09-08-09-26-01.html

Литература:

1. Мухамбетова А.И. Тенгрианский календарь как основа кочевой цивилизации (на казахском материале)., Аманов Б.Ж., Мухамбетова А.И. Казахская традиционная музыка и XX век. – Алматы., Дайк-Пресс, 2002. – С.11-53.

2. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. - М.-Л., 1951. - 451 с.

3. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990, с. 143-160.

4. Арнольд ван Геннеп. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов., Пер с франц. Ю.В. Иванова. – М., Восточная литература РАН, 1999. – 198 с. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226027180.001.0001

5. Аязбекова С.Ш. Функции музыки в воспитании детей (на примере тюркской культуры)., 82-ая Международная научно-практическая конференция «Субъект и объект познания в проекции образовательных методик и психологических концепций»., 2 этап первенства по педагогическим наукам - Лондон., Международная Академия Наук и Высшего Образования (Великобритания), 2014 г., Электронный ресурс: http://gisap.eu/ru/node/50325 https://doi.org/10.18007/gisap:es.v0i6.826

6. Ауэзов М. Устное творчество казахов., Режим доступа: http://el.kz/m/articles/view/content-3693.

7. Мусахан О. Традиционная песенная культура казахов Монголии. - Автореферат диссертации на соискание ученой степени искусствоведения. – Алматы, 1997., С. 13-14.

8. Похороны, потусторонняя жизнь., Режим доступа: http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=./86/3743/3437/3715.

9. Похоронные традиции узбеков., Узбекистан., Режим доступа: http://www.uzbekistans.ru/kultura-i-tradicii/poxoronnie-tradicii-uzbekov.html

10. Омарова Г.Н. Кобызовая традиция. Вопросы изучения казахской традиционной музыки: Монография. – Алматы, 2009. – С.87-88.

11. Аязбекова С.Ш. Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов - Алматы., Институт философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, 1999.

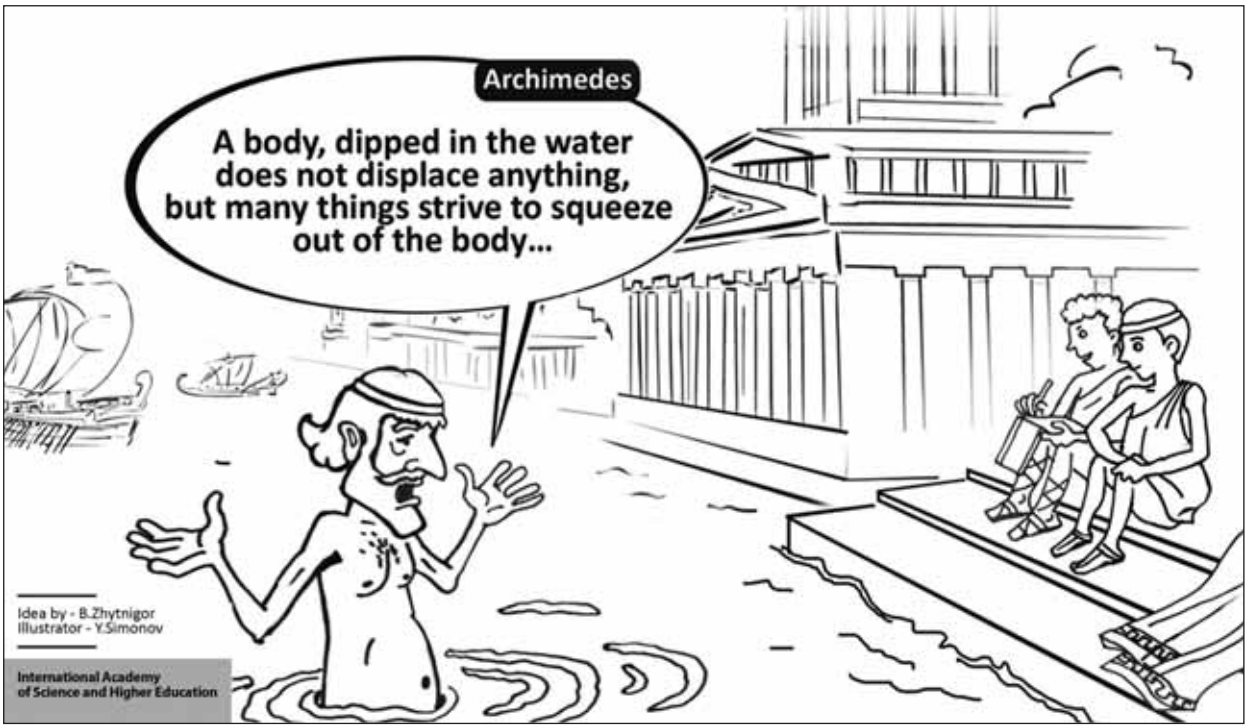
12. Кокумбаева Б.Д. Взаимодействие семейно-обрядовых и лирических песен казахов (Плачи и песни темы утраты): Дисс. … канд. искусств. – Ташкент, 1988.

13. История Казахстана (История Казахской СССР с древнейших времен до наших дней). - Издание 1943 г. 3-е издание. – Алматы, 2011. - С. 83.

14. История медицины в Азербайджане., Режим доступа: http://www.brupharm.az/ru/statyi-o-raznom/4-2010-09-08-09-26-01.html

Information about author:

1. Sabina Ayazbekova – Doctor of Philosophy., Full Professor, Corresponding member of IASHE, Corresponding Member of PAE, International Turkic; address: Kazakhstan, Astana city; e-mail: ayazbekova@mail.ru



CONSTRUCTIVENESS AND DESTRUCTIVENESS IN CULTURAL CREATIVITY AS THE HUMAN SELF-IDENTIFICATION (EXPLICATION OF SOME METHODOLOGICAL IDEAS OF J. BURCKHARDT)

E.E. Shcherbina-Yakovleva, Doctor of Philosophy,
Full Professor
Sumy State University, Ukraine

The author offers to expand the understanding of human destructiveness, and to explicate this concept from the realm of psychoanalysis into the field of integral research of human world-attitude. An integral approach to the study of destructiveness requires its comparison with the phenomenon of constructiveness. The destructiveness and constructiveness are the active factors of cultural and creative self-identification of a person.

Keywords: destructiveness, constructiveness, world-attitude, world-attitude structure, world-attitude typology, social and cultural self-identification of a person.

Conference participant

КОНСТРУКТИВНОСТЬ И ДЕСТРУКТИВНОСТЬ В КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВЕ КАК САМОВЫЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА (ЭКСПЛИКАЦИЯ НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ Я. БУРХАРДТА)

Щербина-Яковлева Е.Е., д-р философ. наук, проф.
Сумской государственный университет, Украина

В статье предлагается расширить представления о человеческой деструктивности, а также эксплицировать это понятие из сферы психоанализа в сферу интегрально-научного исследования человеческого мироотношения. Интегральный подход к изучению деструктивности требует ее сопоставления с феноменом конструктивности. Деструктивность и конструктивность выступают активными действующими факторами культуротворческого самовыявления человека.

Ключевые слова: деструктивность, конструктивность, мироотношение, структура мироотношения, типология мироотношения, социокультурное самовыявление человека.

Участник конференции

http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i10.1580

Человек, с точки зрения конкретних наук и философии, остается одним из наиболее сложных объектов исследования. Социокультурное развитие человечества и индивидуума – процесс сложный, многоуровневый и противоречивый. С одной стороны, этот процесс детерминирован объективными исторически заданными природно-экологическими, материально-экономическими, социальными, культурными факторами. С другой стороны, становление и эволюционирование человеческих сущностных социальных и культурных свойств имеет внутренние, далеко еще не полностью вскрытые и изученные субъективные детерминанты. Значительная их часть связана с биофизиологической, психофизиологической, когнитивно-психологической, психологически-праксеологической сторонами жизнедеятельности человека. Все эти сферы человеческого бытия чаще всего поддаются лишь опосредованному научному исследованию. Между тем изучение истории общества в таких ее аспектах, как развитие материальной и духовной культуры, социальных отношений, форм власти, государства, гендерного поведения, семьи, реализующееся без опоры на глубинные методологии, не дает иного продукта, кроме ограниченной хронологии и безграничных описаний отдельных событий и фактов.

Одним из продуктивных методологических «глубинных» концептов, открывающих пути к новым уровням понимания сущности человека и перспектив его социокультурного самоосуществления, является представление о единстве конструктивных и деструктивных форм мироотношения. Идея конструктивности как выражения сущности человека более всего выражена в идеологии и философии эпохи Модерна. Она отражена в присвоенном в эту эпоху самоназвании бологического вида Homo Sapiens, в обосновывавшихся общеизвестных учениях об историческом прогрессе, а также отчасти в теориях цивилизации.

Но осмысление такого сущностного свойства человека, как деструктивность, по сути дела началось только в XX столетии. С полным основанием заслугу ее «открытия» связывают с именем З. Фрейда, сформулировавшего принципы ее всеобщности, полимодальной направленности, соотнесенности со сферой бессознательного. Основателя психоанализа, жившего в последний период господства идей Модерна, можно упрекнуть только в том, что он сам не освободился от представления о деструктивности как о доразумно- и внеразумно-негативном, болезненно-досоциальном и докультурном, разрушительно-вредоносном в бессознательных структурах психики. В столкновении с прескриптивными и императивными формами господствующей культуры так понимаемая деструктивность почти с абсолютной неизбежностью превращается в невроз [2,. 846].

Э. Фромм, углубляя психоаналитические подходы, рассматривает многообразные проявления деструктивности в социокультурной жизнедеятельности человека. Для его концепции характерна трактовка деструктивности как несчастливости и абсолютизация ее сходства с жестокостью, вследствие чего она должна быть оценена как тяжелый порок человеческой личности и социума [3, 32].

Деструктивность на протяжении XX – начала XXI столетия неоднократно была предметом исследования культурологов, психологов, психоаналитиков, психиатров, криминологов, социальных педагогов. Поскольку предметом рассмотрения в отраслевых исследованиях чаще всего оказывались девиантные формы поведения, экстремизм, политический и религиозный фанатизм, самоубийства, тя-

желые формы преступности, представленность в общественном мнении отождествления деструктивности с порочностью не сократилась, а скорее расширилась и укрепилась.

Таким образом, развитие представлений о деструктивности в многообразных формах человеческого поведения пришло в противоречие с важнейшими общеметодологическими концепциями, выработанными в ту же самую эпоху: теорией систем и синергетикой в тех их разделах, где проясняются механизмы зарождения, становления и развития новых объектов. Каждый инновационный процесс нуждается в «отодвигании», «преодолении» или уничтожении старого, будь то сферы социальной жизни или проявления культуры. Таким образом, с точки зрения общеметодологических теорий, деструкция как преодоление старого, как инструмент преодоления застоя является необходимостью. В тех социокультурних системах, где действующим субъектом, «актором» является человек, деструкция зачастую – уже не просто объективная необходимость, но и прямо-таки историческая обязанность.

Одной из задач данной статьи мы считаем демонстрацию того, что деструктивность не связана с одним только негативным разрушением всего и вся как таковым. Соответственно, второй задачей является формулировка позиций, направленных на преодоление предвзято-односторонней оценки деструктивности как только вредоносной и опасной формы человеческой деятельности.

Деструкция как форма человеческой деятельности должна пониматься, независимо от предпочтений той или иной социально-гуманитарной отрасли науки, с точки зрения ее системной и синергетической роли, как объективно необходимая, в ее единстве с инновацийными, креативными, конструктивными формами. Представления о деструкции в социокультурних системных объектах развиваются и уточняются в категории деструктивности. Если деструкция понята как системообразующий и синергетический фактор, то деструктивность должна быть имплицирована из сферы психоанализа, психиатрии, криминологии и пр. в сферу философско-антропологического познания. Таким образом, мы видим задачу в осмыслении и аргументации системно-аналитического и синергетически-аналитического подхода к деструктивности как универсальной форме человеческого мироотношения. Такой подход, как сумма универсальных методологических концептов, опираясь на достижения конкретных наук, призван расширить и уточнить методологию психоанализа, до сих пор используемую «по умолчанию», как безальтернативную.

Человеческое мироотношение как реальный процесс интеграции человека во Вселенную и форма его качественного самоосуществления, выступает как многообразие объединяющих и одновременно противопоставляющих человека и мир ментальних и деятельно-практических связей. В мироотношении человечество и индивидуум устанавливают единство и различие субъекта и объекта, духа и природы, вещи и ее образа, идеального и материального, индивидуального и социального. Мироотношение есть средство решения проблемных ситуаций, проявляющихся как сфера развития рациональности и иррациональности, конструктивности и деструктивности. Мироотношение есть сфера самоосуществления и отчуждения личности [4, 7-8]. С точки зрения системно-структурного подхода, мироотношение существует как внутрисубъектное системное единство «Образа мира», «Образа Себя» и «Образа практической деятельности» [4, 24-60].

По своему внутреннему содержанию каждый из структурных компонентов мироотношения образуется подсистемами когнитивных категорий и когнитивно-праксеологичных концептов [4, 72-90]. И те и другие имплицируются в сферу субъектности в процессе развития и саморазвития социума и индивидуума, как объекты стихийных и организованных человекоформирующих воздействий и продукты социализации и инкультурации [4, 72-90]. По сути дела, мироотношение, его генезис, становление, эволюционирование, бифуркационные потрясения, происходящие в его сфере – это все, что можно узнать и высказать про человека. Деструктивность должна изучаться с точки зрения ее самопроявления в таких основных сферах самоосуществления человечества, как борьба за доминирование в социальных иерархиях, развитие ценностных систем мироориентации. Компонент сознательного, волевого выбора в этих сферах далеко не столь слаб, как это представлено психоаналитиками, абсолютизирующими сублимацию негативного, факторы суггестивного омассовления, либо технологии подсознательного группового внушения. От образа безответственного, слабого, невротичного человека, вечной жертвы недружественной к нему культуры, философской антропологии предстоит сделать некоторые шаги к образу «человека выбирающего», «человека решающего», а вследствие этого – способного и обязанного нести ответственность за последствия своей деятельности.

Механизмы субъективного выбора и решения заложены в самой структуре мироотношения. Активная, деятельностная сторона мироотношения имеет своей внутренней детерминантой концептуальные подсистемы. «Концепты» как микропрограммы активности внутренне заложены в каждом когнитивном компоненте, который развивается у здорового человека в процессе социализации и инкультурации, будь то чувственные образы, неоформленные интуитивные представления или рационально выраженные понятия, идеи. теории. Концептуально закрепленные микропрограммы активности могут манифестироваться самыми разными средствами коммуникации, не обязательно вербальными; но эта проблема лежит за рамками данной статьи. В рамках данного исследования принципиально важным является то, что каждый концепт, осознанный или неосознанный, содержит в себе диспозицию – разрешитель и ограничитель возможных форм и пределов активности. При этом диспозиция – не просто «установка» или «предрасположенность» к какому-то виду деятельности, как это излагалось некоторыми авторами (В.А. Ядов и др.). Важнейшая содержательная характеристика диспозиции состоит в том, что в ней

имплицитно, как продукт предваряющей познавательно-ориентирующей деятельности субъекта, содержится результат «измерения», оценивания объекта: «от сих до сих – можно делать…; после сих – нельзя делать…». Эти «можно» и «нельзя» являются важнейшими характеристиками типов мироотношения в целом и выражениями его отдельных черт и компонентов, принципиально значительных с социокультурной точки зрения.

Сформулированный нами подход к пониманию человеческого мироотношения и деструктивности как его необходимого компонента [5] может быть подтвержден и значительно обогащен за счет экспликации некоторых интересных методологических идей, принадлежащих талантливому историку и культурологу Я. Буркхардту.

Продуктивность рассмотрения мировой истории с точки зрения самореализации в ней человеческой воли, желаний, ментальности и деятельности – одна из ведущих идей этого ученого. «…Постоянный и возможный для нас центр – терпеливо переносящий тяготы и страдания, целеустремленно ищущий и действующий человек, такой, каков он есть, всегда был и будет; поэтому наше рассмотрение будет до известной степени болезненным» [1, 13], – пишет он. Несомненно, что реализация такого подхода, то есть превращение описательного исторического знания в историко-антропологическую науку превращает историю в сферу увлекательной рефлексии самообнаруживающегося и самопознающего человечества. Эта идея, на современном уровне мышления, должна реализоваться как извлечение из исторических процессов мироотношенческих (ментально-деятельностных, категорально-концептуальных структур, диспозиций волепроявления, детерминантов выбора и решения). По всей вероятности, на этом пути демифологизации, депоэтизации и дегероизации истории человечество и индивид узнают о самих себе немало нелицеприятного.

Эту задачу в определенной мере ставит и сам Я. Буркхардт. Абсолютно аргументировано его представление о том, что становление антропоцентричного подхода к истории обязано начинаться с осмысления потребностной, претензивной природы человеческого мироотношения: «Прежде всего, мы должны задуматься над соотношением двух полюсов — познания и намерений, целей, пристрастий и интересов. Уже в историческом документе наше стремление к познанию часто наталкивается на плотную «изгородь» намерений, пытающихся рядиться в одеяния традиции. Но и помимо этого мы никогда не можем полностью избавиться от намерений, целей и пристрастий нашего собственного времени и нашей личности, и эта-то невозможность и является, быть может, злейшим врагом познания» [1, 18].

Но сущность человека, согласно представлениям этого ученого, не сводима к одним только базовым потребностным ориентациям. Та сторона субъективности, которая в соответствии с характерной для немецкой философии традиции именуется духом, либо более понятным для современного читателя термином «менталитет», гораздо более богата и оригинальна. Человек как продукт природного развития унаследовал многие феноменальные свойства: безудержную любознательность, поисковую направленность, «игривость» поведения, нетерпимость к скуке, наделенность фантазией и изобретательностью, стремление к силовому самоутверждению в социальных иерархических структурах, соревновательность. Я. Буркхардт исходил из предположения, что уровень наделенности такими свойствами с индивидуальной и этнически-групповой точки зрения неодномерен и неоднороден. В силу этого обстоятельства в историческом процессе обнаруживаются «инертные» социумы, которые «служат, видимо, той цели, чтобы сохранять в неприкосновенности определенные духовные, душевные, а также и материальные ценности прошлого и передавать их будущим поколениям как фермент их развития» [1, 222]. Напротив, социумы с большим креативным потенциалом имеют своим историческим назначением разрушать старое и прокладывать путь к новому. Именно они и являются в наибольшей степени носителями «деструктивности» как характеристики мироотношения, представляющую из себя мощную обновляющую силу, которая «опирается именно на постоянную неудовлетворенность, которая тяготится всяким достигнутым положением и стремится к новой форме. [1,223]. Большое внимание Я. Буркхардт уделяет тем противоречивым по своим последствиям процессам, когда в горниле истории разрушаются достигнутые в предыдущие эпохи ценности, а им на смену приходит в лучшем случае – нигилизм, в худшем – торжествующий гюбрис. «Более сильный – это далеко не лучший. Что успеха добивается наглец и посредственность, мы можем повсеместно наблюдать и в растительном мире. Но подчиненное положение, в котором находятся благородные в силу их численного меньшинства, представляет в истории большую опасность прежде всего для тех времен, когда господствует чрезвычайно общедоступная культура, дающая все права большинству» [1, 223].

Таким образом, из проведенного нами анализа проблемы можно сделать принципиальный вывод: современная методология осмысления закономерностей существования и развития сложных системных многоуровневых социокультурных объектов не допускает увековечивания их однажды возникших форм. Деструктивность как свойство человеческого мироотношения развивается исторически, во многих случаях реализуется в социальной и индивидуальной креативности и служит инструментом самовыявления или самоосуществления, а также самообнаружения человеческой сущности. Именно вследствие способности к деструктивности развивается такое свойство человеческого мироотношения, как конструктивность; и наоборот. Человечество и индивидуум самопроявляются и самоутверждаются в качестве субъектов, важнейшим свойством которых является способность к конструктивно-деструктивному, либо к деструктивно-конструктивному воплощению в социокультурной среде.

Вместе с тем в вызывающих глубокие ассоциации с проблемами сегодняшнего дня методологических набросках Я. Буркхардта нами усматриваются новые сереьезные задачи:

– охарактеризовать проблемы типологизации форм и видов деструктивности в человеческом мироотношении;

– рассмотреть возможность существования и критерии безотносительного исторического зла, которое только и заслуживает названия «злокачественной деструктивности»;

– разработать в соответствии с далеко еще не реализованными намерениями Я. Буркхардта проект, который бы методологически способствовал последовательному научному обсуждению единства и противостояния конструктивности и деструктивности в таких формах человеческого креативного самовыявления, как политика в качестве сферы борьбы за власть и могущество, религия в качестве сферы овладения и манипулирования человеческим духом, нравственная и художественная культура в качестве сферы «свободного» самоосуществления.

References:

1. Burkkhardt YA. Razmyshleniya o vsemirnoy istorii., Per. s nem. - 2-ye izd. [Reflections on the World History., Translated from German - 2nd edition]. – Moscow.; St. Petersburg., «Tsentr gumanitarnykh initsiativ» [«Humanitarian Initiatives Centre»], 2013. – 560 p. (Seriya «Kniga sveta» [Series: «The Book of Light»]).

2. Freyd Z. « YA» i «Ono». [«I» and «It»], Zigmund Freyd., Sost. M. Blyumenkrants. – Moscow., Eksmo-Press, Folio, 2002. – 864 p. (Seriya: Antologiya mysli [(Series: Anthology of thought)]).

3. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti., Erikh Fromm [Anatomy of human destructiveness], Transl. from English E.M. Telyatnikova, T.V. Panfilova. – Moskva., AST Publ., 2004. – 635 p. (Philosophy Series).

4. Shcherbina-Yakovleva Ye.Ye. Mirootnosheniye i irratsional'nost' [World attitude and irrationality]. – Sumy., RIO SGPI Publ. named after A.S. Makarenko, 1996. – 13,5 druk. ark. – 229 p.

5. Shcherbina-Yakovleva O.YU. Destruktivnist' yak atribut lyuds'kogo samoviyavlennya: utochnennya ponyattya í perspektivi naukovikh rozvídok., Fílosofíya nauki: traditsíí ta ínnovatsíí. Naukoviy zhurnal. [Destructiveness as an attribute of human self-expression: clarification of the concept and prospects of scientific development. Philosophy of science: traditions and innovations. Scientific journal] – No. 2 (12) 2015. – Sumi., Vid. SumDPU ím. A.S. Makarenka [Publishing house of the Sumy State Pedagogical University named after A. S. Makarenko], 2015., pp. 152–160.

Литература:

1. Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории., Пер. с нем. - 2-е изд. – М.; СПб., «Центр гуманитарных инициатив», 2013. – 560 с. (Серия «Книга света»).

2. Фрейд З. « Я» и «Оно»., Зигмунд Фрейд., Сост. М. Блюменкранц. – М., Эксмо-Пресс, Фолио, 2002. – 864 с. (Серия: Антология мысли).

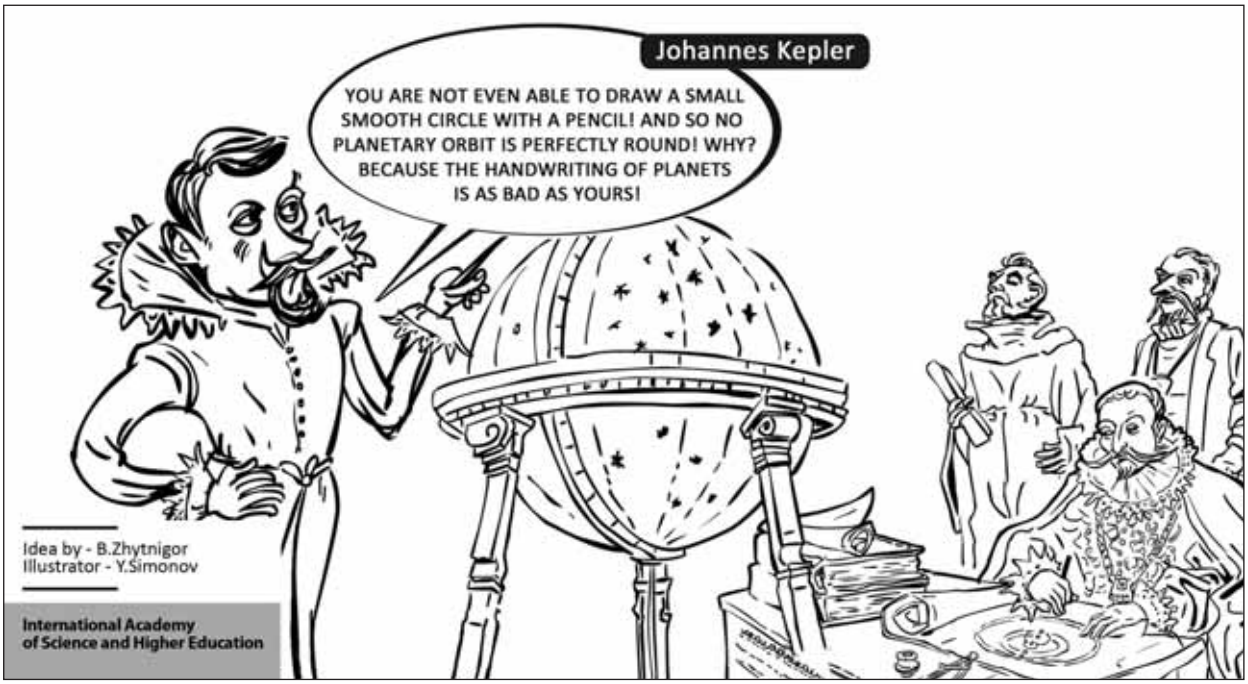
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности., Эрих Фромм., Пер. с англ. Э.М. Телятникова, Т.В. Панфилова. – М., Изд. АСТ, 2004. – 635 с. (Серия Philosophy).

4. Щербина-Яковлева Е.Е. Мироотношение и иррациональность. – Сумы., Изд. РИО СГПИ им. А.С. Макаренко, 1996. – 13,5 друк. арк. – 229 с.

5. Щербина-Яковлева О.Ю. Деструктивність як атрибут людського самовиявлення: уточнення поняття і перспективи наукових розвідок., Філософія науки: традиції та інновації. Науковий журнал. – № 2 (12) 2015. – Суми., Вид. СумДПУ ім. А.С. Макаренка, 2015. – С. 152 – 160.

Information about author:

1. Elena Scherbina-Yakovleva - Doctor of Philosophy, Full Professor, Sumy State University,; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: elena.scherbinayakovleva@gmail.com



TRANSFORMATION PROCESSES TAKING PLACE IN THE VALUE-RELATED ORIENTATIONS OF CONSCIOUSNESS OF THE UKRAINIAN YOUTH INFLUENCED BY CULTURE. SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

N.V. Shcherbakova, Lecturer
Tavria State Agrotechnological University, Ukraine

This paper demonstrates the influence of culture on the process of formation and development of new value-related orientations of Ukrainian youth, as well as the extent of influence on the prospects of development of the Ukrainian society, taking into account the transforming world outlook of representatives of the young generation.

Keywords: society, value-related orientations, transformations, spiritual component, youth, culture.

Conference participant,
National Research Analytics Championship

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ СОЗНАНИЯ УКРАИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ, ПОД ВЛИЯНИЕМ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Щербакова Н.В., преподаватель
Таврический государственный агротехнологический университет, Украина

Данная статья отражает влияние культуры на процесс становления и развития новых ценностных ориентаций украинской молодежи, а также степень воздействия на перспективы развития украинского общества.

Ключевые слова: общество, ценностные ориентации, трансформации, духовная компонента, молодежь, культура.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i10.1581

Постановка проблемы. Молодое поколение – это особая социальная общность, у которой активно трансформируется система ценностных норм, входящая в индивидуальное сознание. В настоящее время, под влиянием изменений, происходящих в различных сферах украинского общества, а также культуры, в сознание молодежи активно интегрируются материальные ценностные ориентации, которые в свою очередь, негативно влияют, как на процесс построения общественных отношений, так и на формирование нового исторического сознания. В свою очередь, феномен нового исторического сознания, в немалой степени детерминирует определенную направленность развития украинского социума.

Цель исследования – в философском аспекте провести анализ влияния культуры, на процесс трансформации ценностных ориентаций сознания современной украинской молодежи. Объект исследования – мысленная модель системы ценностей сознания, сформированная в настоящее время у представителей молодого поколения Украины. Предмет исследования – влияние культуры как формы бытия социума, на процесс трансформаций ценностных ориентаций молодого поколения.

Изложение основного материала. Человек, как система, находится в постоянном взаимодействии с такими системами как природа, общество, культура. Однако многие исследователи, как правило, рассматривают только отношения, складывающиеся между индивидом и такими формами бытия, как природа и общество. Причем только данное взаимодействие, как правило, рассматривают в качестве причины, определяющей направление развития ценностных ориентаций, как молодого поколения, так и общества. В свою очередь, культура, в части исследований, представлена, как нечто отдельное, отстоящее от действительности. Таким образом, культура, являющаяся одной из форм бытия, причем, рожденная именно практической деятельностью человека, не рассматривается как детерминанта, определяющая вектор развития, как индивидуального и общественного сознания в целом, так и ценностных ориентаций, в частности. Можно утверждать, что вследствие этого, процесс изложения и анализа причин, оказывающих влияние на метаморфозы, происходящие в ценностных ориентациях сознания, как молодежи, так и общества, является не полным. Дело в том, что ценности любого общества сублимируются в его культуре как форме бытия. Исходя из того, что культура представляет собой систему, можно предположить, что она постоянно функционирует, а, значит, – развивается. Поэтому ее состояние не есть константное, застывшее во времени и пространстве. На развитие культуры оказывает воздействие, как духовная деятельность членов общества, так и взаимодействие с иными культурами, как формами бытия других социумов. В свою очередь, и культура, вследствие проявления философских принципов всеобщей связи и взаимодействия, активно влияет на процесс трансформаций индивидуального и общественного сознания, в том числе и ценностных ориентаций. Таким образом, основываясь на данной зависимости, необходимо выявить качественную характеристику, которой обладает украинская культура в настоящее время, а также ее взаимосвязь с вектором изменений, происходящим в ценностных ориентациях украинской молодежи в социально-философском аспекте.

Применим принципы историзма и детерминизма, являющиеся основополагающими в философии. Это позволит выявить причинно-следственные и системные связи, которые имеют место в процессе развития украинской культуры как формы бытия. Принцип детерминизма даст возможность определить вероятные тенденции дальнейшего развития системы ценностных ориентаций украинской молодежи, под влиянием качественных норм, доминирующих в украинской культуре.

Впервые понятие «культура» в философию было введено древнеримским ученым Тулием Цицероном. В его трактовке данный термин означал

уровень развития познания, а также способ самоутверждения и возвеличивания человека. Следует отметить, что активные исследования культуры как феномена, привели к тому, что в настоящее время, насчитывается более 500 определений термина «культура». В аспекте данного исследования можно предложить следующее определение: культура – это форма бытия, которая образуется человеческой деятельностью, охватывая качества самого человека, его способы материальной и духовно-практической деятельности, многообразие объектов (в том числе и нематериальных), в которых опредмечиваются и распредмечиваются процессы этой деятельности.

Следует отметить, что отношение к форме бытия, которую позже назовут культурой, уже со стороны античных философов было неоднозначным. В частности, представители школы киников (циников), существовавшей в Древней Греции в IV-VI вв. до н. э., полагали, что человеку необходимо игнорировать культуру, существуя в естественных для него природных условиях. [1, с. 383] В свою очередь, представитель Киренской школы Феодор полагал, что только мудрецы обладают правом не соблюдать культурные нормы. Отдельные философы, например, софист Антифонт, не отрицали необходимость культурных норм, однако активно подвергали их критике. Несмотря на негативное отношение со стороны одной части античных философов, культура как бытие общества активно познавалась другой частью. Например, Фразимах, будучи также представителем школы софистов, доказал относительность всех культурных норм. При этом философ обосновал тезис о том, что степень их значимости определяется только критерием «полезности для сильного». Важным представляется то, что он предложил культурные нормы, соответствующие данному критерию, использовать для обеспечения прогрессивной тенденции в развитии государства как «сильного», путем законодательного их закрепления. [2, с. 196]

В дальнейшем, философы эпохи Возрождения, немецкой классической философии, европейской философии XIX-XX вв. в своих работах уделяли достаточно много внимания вопросу развития культуры. В частности, такие ученые, как Ж.-Ж. Руссо, Г. Башляр, А. Шопенгауэр, И. Гердер Э. Кассирер, Л. Фейербах, З. Фрейд, Г. Маркузе, О. Шпенглер, Д. Дьюи, П. Сорокин, Ф. Фукуяма, В. Тугаринов, М. Бахтин, М. Мамардашвили, А. Моль и ряд других, в своих трудах исследовали феномены культуры, а также процесс трансформации ценностных ориентаций индивидуального и общественного сознания, обусловленные их влиянием.

Необходимо отметить, что постоянно проявлялся плюрализм мнений, активно излагались различные, в том числе, полярные точки зрения. В частности, Ж.-Ж. Руссо в своих трудах отрицательно высказался о культурных достижениях человечества, полагая, что они ограничивают свободу индивида, нивелируют развитие его внутреннего мира. Особо ученый выделил такие негативные достижения человеческого общества, считавшего себя культурным, как насилие, корысть, угнетение одного человека другим. Будучи уверенным, что роскошь, рабство и развращенность являются наказанием за повышение степени культурного развития социума, философ настаивал на том, что люди должны вернуться к своему естественному состоянию. [2, с. 197]

В свою очередь, А. Шопенгауэр также негативно относился к феноменам культуры, вследствие того, что полагал их вымышленной «формой всеобщего притворства». Философ исходил из того, что индивиды используют культуру для сокрытия настоящих мотивов своих деяний. Отрицательное отношение к культуре усиливалось тем, что ученый был уверен: именно ее влияние нивелирует индивидуальность личности. [3, с. 20]

С точки зрения Ф. Ницше, культура – это «вымышленный мир безусловный», который есть противоположностью жизни. Если культура, в изложении философа, – это нечто негативное, т.е. обезличенное, ненастоящее, вымышленное, стереотипное, являющееся, одним из способов подавления индивидуальности человека, и приведения его к стандартам, составляющим идеологическую парадигму общества, то «жизнь – разве это не значит как раз желать быть чем-то другим, нежели природа?» [2, с. 197]

Однако в научных работах имеется и иная точка зрения в отношении культуры и ее влияния на развитие, как индивида, так и общества. По мнению ученых, например, Н. Бердяева, З. Фрейда и ряда других, культура – это продукт деятельности любого общества. Как указывал И. Гердер, именно она обусловила основное отличие человека от животного, поэтому явилась главной причиной обособления человека от мира животных. Важным представляется то, что культура, в отношении социума, выступила в качестве фактора, объединяющего его в определенный тип целостности, применительно к индивиду – как необходимое условие, обеспечивающее прогрессивную тенденцию развития его личности. При этом, отмечал К. Маркс, следствием развития культуры, явилось снижение степени зависимости человечества от влияния природных факторов. А каждый новый уровень, на который выходила культура в своем развитии, был шагом к свободе.

Одновременно, культура, указывал Н. Бердяев, образовывала некий промежуточный слой, между природой и социумом, что способствовало их опосредствованному взаимодействию. При этом, природа, и общество постоянно воздействовали на культуру, определяя вектор ее развития. В свою очередь, процесс создания культурных ценностей, был постоянно обусловлен взаимодействием продуктов цивилизации и индивидуального творческого потенциала человека.

Рассматривая процесс развития культуры, ученые отмечали, что он обусловлен не только влиянием общества и природы, но и взаимодействием с иными культурами. При этом в качестве основания данной взаимосвязи, выступает степень престижа культуры. Как отмечает А. Камю, каждая культура должна обладать данной качественной характеристикой. Важно отметить следующее: чем выше престиж культуры, тем более активно, присущие ей ценностные ориентации, заимствуются иными культурами. [2, с. 198]

Таким образом, можно констатировать, что выводы, сделанные философами, полярны: от неприятия культуры до признания ее интегрирующей функции в жизни общества. Однако, бесспорно, что культура – это особая форма бытия, порождаемая человеческим обществом. Ее можно принимать, либо отвергать, однако она существует, оказывая влияние на развитие ценностных ориентаций, как социума в целом, так и молодого поколения, в частности. Философский принцип всеобщей связи и взаимодействия постоянно проявляется и в отношениях между культурой и обществом. Воздействие одной стороны может усиливаться, а другой – ослабевать, однако данный процесс является постоянным. Взаимодействие обусловлено тем, что культура позволяет социуму восстановить утраченные биологические формы регуляции совместной деятельности людей, а общество, в свою очередь, предоставляет культуре возможность обеспечить процесс существования и развития.

Важным представляется то, что не только общество может радикально влиять на культуру, но и последняя, в свою очередь, имеет способность, в относительно короткий промежуток времени, приводить к существенным трансформациям в общественной жизни. В частности, М. Каган указывал, что духовные, политические и экономические преобразования достаточно часто осуществлялись, путем трансляции качественно измененной культурой, в общественное и индивидуальное сознание, новых ценностных ориентаций. Кроме того, многие негативные тенденции, проявляющиеся в процессе развития социума, обуславливаются низким уровнем всех аспектов культуры.

Рассматривая в аспекте данного исследования, трансформации, происходящие в ценностных ориентациях сознания молодого поколения, следует отметить, что вся сложность онтогенеза человека состоит в следующем: у него изначально имеется совокупность врожденных качеств. В процессе развития индивида, эта природная данность трансформируется под влиянием общества и культуры, что влечет за собой социализацию и культурацию его личности. Таким образом, направленность развития, как сознания индивида, так и его ценностных ориентаций, является следствием взаимодействия трех видов бытия: природы, общества, культуры. Человек, при этом, выступает в качестве биосоциокультурной системы. Важным представляется то, что в информационном обществе, благодаря этому трехстороннему взаимодействию, имеет место широкий диапазон уровней культуры в представителях молодого поколения, принадлежащих к одинаковой социальной среде.

Далее в аспекте данного исследования, перейдем к изложению и анализу направленных метаморфоз, происходивших в культуре Украины, после обретения независимости. Процесс трансформаций был детерминирован изменениями, происходящими в различных сферах общества, однако немаловажное значение имело активное «встраивание» в украинскую культуру прозападных ценностных ориентаций, основанных на принципе максимального потребления материальных ценностей, а также тезисе: «Все лучшее – мне». [4, с. 20] Важно отметить, что данная тенденция проявилась в связи с закреплением в индивидуальном и общественном сознании следующей установки: западная культура имеет больший престиж. [2, с. 199]

Вследствие активного интегрирования определенного количества материальных ценностных ориентаций, культура украинского общества, достигла качественно нового уровня развития. Следует определить его, как уровень максимальной материализации. Закономерно, что вследствие взаимодействия культуры, обладающей новым качеством, с индивидуальным и общественным сознанием, в них происходили качественные изменения. В итоге, это привело к доминированию материальных ценностных установок, как в сознании молодежи, так и представителей иных поколений. В свою очередь, данная тенденция оказала негативное влияние на построение общественных отношений. В частности, повышенный уровень эгоизма и равнодушия, который активно проявляется в социуме, особенно со стороны молодого поколения, привел к дезинтеграции социума. [1, с. 383]

Вывод. В качестве резюме необходимо изложить следующее. В современном информационном обществе, в процессах трансформации ценностных ориентаций молодежи, активное участие принимает, общество; культура, содержащая в себе не только современные достижения, но и лучшее, что было ранее создано предыдущими поколениями; а также природа, проявляющая свои качества в индивиде, как в «социальном животном». Данной тенденцией можно воспользоваться, чтобы осуществить изменение социальных отношений. Решить данную задачу возможно путем интеграции духовных ценностных ориентаций, транслируемых отечественной культурой, как в индивидуальное, так и общественное сознание. Кроме того, необходимо активизировать процесс повышения культурного уровня молодого поколения Украины. Однако, прежде всего, необходимо обеспечить тенденцию доминирования исторических духовных норм в украинской культуре.

References:

1. Shcherbakova N.V. Analiz i perspektivy razvitiya dukhovno-kul'turnykh tsennostey sovremennoy ukrainskoy molodezhi [Analysis and prospects of development of spiritual and cultural values of modern Ukrainian youth]., N.V. Shcherbakova., Materíali V mízhnarodnoíí naukovo-praktichnoíí konferentsííí z pitan' patríotichnogo vikhovannya molodí [Materials of the V International scientific and practical conference on patriotic education of youth]. – Zaporízhzhya., FOP Kupríyanenko L.A., 2011. – 551 p., pp. 381-388

2. Shcherbakova N.V. Transformatsionnyye protsessy, proiskhodyashchiye v tsennostnom bazise ukrainskoy molodezhi pod vliyaniyem kul'tury: filosofskiy aspekt [The transformation processes taking place in the value basis of the Ukrainian youth under the influence of culture. Philosophical aspect]., N.V. Shcherbakova., Kul'turologíchniy

vísnik: naukovo-teoretichniy vísnik Nizhn'oïï Naddnípryanshchini. [Cultural bulletin: scientific and theoretical Journal of Lower Dnieper] – Zaporízhzhya., Prosvíta, 2014., Issue 32. – 225 p., pp. 196-200.

3. Shopengauer Artur Aforizmy zhiteyskoy mudrosti [Aphorisms of worldly wisdom]. Artur Shopengauer. – Moskva, Interbuk (Ser. «Stranitsy mirovoy filosofii» [Series: «Pages of the world philosophy»]), 1990. – 152 p.

4. Mayyers D. Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology], Devid Dzh. Mayyers. – 7-th ed. - St. Petersburg., Piter, 2009. – 794 p.

Литература:

1. Щербакова Н.В. Анализ и перспективы развития духовно-культурных ценностей современной украинской молодежи., Н.В. Щербакова., Матеріали V міжнародної науково-практичної конференції з питань патріотичного виховання молоді. – Запоріжжя., ФОП Купріяненко Л.А., 2011. - 551с., С. 381-388

2. Щербакова Н.В. Трансформационные процессы, происходящие в ценностном базисе украинской молодежи под влиянием культуры: философский аспект., Н.В. Щербакова., Культурологічний вісник: науково-теоретичний вісник Нижньої Наддніпрянщини. – Запоріжжя: Просвіта, 2014. – Вип. 32. – 225 с., С. 196-200.

3. Шопенгауэр Артур Афоризмы житейской мудрости/ Артур Шопенгауэр. – М., Интербук (Сер. «Страницы мировой философии»), 1990. – 152 с.

4. Майерс Д. Социальная психология., Дэвид Дж. Майерс. – 7-е изд. - СПб., Питер,2009. – 794 с.

Information about authors:

1. Nina Shcherbakova – Lecturer, Tavria State Agrotechnological University; address: Ukraine, Melitopol city; e-mail: rnk-07@mail.ru

WORLD RESEARCH
ANALYTICS
FEDERATION

Research Analytics Federations of various countries and continents, as well as the World Research Analytics Federation are public associations created for geographic and status consolidation of the GISAP participants, representation and protection of their collective interests, organization of communications between National Research Analytics Federations and between members of the GISAP.

Federations are formed at the initiative or with the assistance of official partners of the IASHE - Federations Administrators.

Federations do not have the status of legal entities, do not require state registration and acquire official status when the IASHE registers a corresponding application of an Administrator and not less than 10 members (founders) of a federation and its Statute or Regulations adopted by the founders.

If you wish to know more, please visit: http://gisap.eu

EXPERIENCE OF UNDERSTANDING THE WORKS OF ART

E. Shentseva, Candidate of Philosophy
Russia

The author describes the essence of the network theory, under which the German sociologist R. Häuslingen builds the theory of an artwork. The paper includes the in-depth consideration of the basic provisions of the theory, the author's interpretation of the interrelation between elements of the network structure "art project – recipient of art – context of art", and identification of the semantic facets of ideas and concepts of the theory with the conclusions of the Western European and Russian philosophy. The method of designing the theory within the network paradigm is analysed. The author noted the methodological prospects of experience of building the new type of theory for further examination of artworks in the context of socio-philosophical problems.

Keywords: network theory, network structure, work of art, social interaction, art project, recipient, context of art, aura, emergence.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ОПЫТ ПОНИМАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА

Шенцева Е.А., канд. Философ. Наук
Россия

В статье излагается суть сетевой теории, в рамках которой немецкий социолог Р. Хойслинг выстраивает теорию произведения искусства. Подробно рассматриваются основные положения теории, авторская интерпретация взаимосвязи элементов сетевой структуры «художественный проект искусства–реципиент искусства–контекст искусства», выявляются смысловые грани идей и понятий теории с выводами западноевропейской и отечественной философии. Анализируется метод конструирования теории в рамках сетевой парадигмы. Отмечаются методологические перспективы опыта построения теории нового типа для дальнейших исследований произведения искусства в контексте социально-философской проблематики.

Ключевые слова: сетевая теория, сетевая структура, произведение искусства, социальное взаимодействие, художественный проект, реципиент, контекст искусства, аура, эмергенция.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i10.1582

Все больше феноменов, ранее пребывавших на периферии социально-философской проблематики, становятся предметом исследовательского внимания. К таковым относится феномен художественной активности, приобретающий в современную эпоху принципиально новые многообразные и неоднозначные черты (в том числе ввиду появления новых технических возможностей), что существенно определяет духовный облик социума.

Опыт искусства не единственная, но одна из самых значительных сфер, где находит свое выражение художественная активность человека. Вместе с тем именно в данной сфере возникает коллизия, при которой, по словам немецкого теоретика Р. Хойслинга, в поле внимания «попадает все больше процессов, которые невозможно как следует описать средствами частных теорий» [Хойслинг, 2003. С. 37]. Автор обращается к эвристическим возможностям сетевой теории с целью преодоления указанного методологического затруднения. Прежде чем обратиться к анализу опыта ученого, представляется необходимым сделать несколько предварительных замечаний.

Несмотря на то, что объяснительные перспективы сетевой теории отмечаются многими авторами, сетевая парадигма в философии лишь начинает осмысляться в качестве таковой. Понятие сети используется метафорически, по большей части с апелляцией к изменениям структуры социального пространства в связи с Глобальной сетью Internet. Большинство исследователей фиксируют внимание на формировании новой, сетевой структуры мира, принципиально нового стиля мышления. Многообразны способы сетевого моделирования. Так, Р. Коллинз выстраивает сетевую схему на основе информации о тесных личных связях между наиболее значительными философами, которые в процессе интенсивного, заряженного значительной эмоциональной энергией общения «транслируют прежний культурный капитал и превращают его в новую культуру» [Коллинз, 2002. С. 33].

Хойслинг выдвигает тезис о существенной гибкости при определении элементов сети, составными частями последней «абстрактно говоря – являются узлы и отношения» [Хойслинг, 2003. С.36]. В исследовании Коллинза эта абстрактная схема получает конкретное воплощение – мыслители выступают в качестве «узлов» сетевых структур, отношение же есть то особое интеллектуальное общение, в процессе которого генерируются новые идеи. Как мы видим, наполняясь конкретным содержанием, структура остается устойчивой и достаточно универсальной, позволяя анализировать сети производства товаров и услуг (Р. Роуз) в одних случаях, в других – сети *интересного*, образованные совокупностью креативных возможностей субъектов (К. Сергеев), в-третьих, о чем речь шла выше – сети интеллектуального общения, продуцирующего новое философское знание и т. д. Несмотря на то, что составные части сети могут меняться, «сетевая теория при этом не встречает объяснительных трудностей» [Хойслинг, 2003. С. 36]. Значительный интерес вызывают взгляды авторов, усматривающих методологические параллели сетевой парадигмы и теории ризомы, разработанной Ж. Делезом и Ф. Гваттари.

Даже беглого взгляда достаточно, чтобы сделать вывод о зарождении новой эпистемологии, перспективной для философского осмысления возрастающей роли сетевых структур в современном обществе, однако анализ этого захватывающего процесса выходит за рамки настоящей статьи, предметом интереса которой является опыт построения теории произведения искусства, предпринятый Хойслингом, точнее говоря, метод конструирования теории и те философские идеи, теории, концепции, которые автор использует в качестве модулей, «между которыми

возникает или существует сеть теоретических сопряжений» [Хойслинг, 2003. С. 38]. Для немецкого ученого важно зафиксировать, что сетевая теория (как «метатеория») может сопрягаться со множеством других теорий, а также, что сетевая теория, предлагая слишком «абстрактные образцы», приобретает «спецификацию» непосредственно на конкретных исследованиях [там же, с. 39]. Как мы убедимся далее, автор предпринимает попытку наполнить конкретным содержанием абстракции сетевой теории.

Суть основных положений теории произведения искусства Хойслинга «Аура как социальный феномен» заключается в следующем.

Используя термин «произведение искусства» в кавычках для характеристики способов употребления, отличных от представленной им самим точки зрения, автор указывает на неуместность термина в его традиционном понимании, ибо правильнее вести речь о социальном взаимодействии между реципиентом искусства и художественным проектом [там же, с. 44]. Последний понимается как «сплав инкорпорированных … интенций художника с содержащимися в нем формообразующими средствами» [там же, с. 60]. Произведением искусства (без кавычек) оно становится «в рамках процесса обнаружения», в процессе так называемой «рецепции» искусства [там же, с. 44]. Очевидно, что автор опирается точку зрения, которая прочно вошла в философскую мысль, относительно того, что смысл произведения искусства не существует, точнее сказать, пребывает в потенциальном (в терминологии В. Налимова, «запакованном») состоянии вне специфической активности субъекта, направленной на понимание искусства. Так, читаем у М. Бубера: «образ, представший человеку, хочет стать через него произведением» [Бубер, 1995, С. 20]. Сходным образом звучит мысль М.М. Бахтина о том, что смысл актуализируется «лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом» [Бахтин, 1979, С. 370]. Требуется «радикальное переосмысление» того, что до сих пор понималось в качестве «социальных действователей, или просто действователей, или самостоятельных формообразователей» [Хойслинг, 2003. С. 45], и принятие художественного проекта в качестве такового отмечается как «наитруднейший барьер» с точки зрения социологических процессов [там же, с. 46]. Автор говорит о «преобладающем во взаимодействии взаимном конституировании, стабилизации и (динамической) актуализации точек взаимодействия, т. е., о действователях (в новом, наглядно не представимом смысле) и об отношениях, через которые происходит взаимодействие» [там же, с. 45]. Остановимся на этом тезисе более подробно. Во-первых, фиксируется принципиально новое представление о художественном проекте искусства как о «действователе», то есть реальном участнике социального взаимодействия. Во-вторых, подчеркивается мысль, фундаментальная как для классиков герменевтики, так и для представителей экзистенциальной философии и психологии, о «взаимном конституировании» проекта и реципиента. В свое время Бубер, подчеркивал, говоря об образе искусства, предстоящем для толкования, что «он воздействует на меня, как и я на него» [Бубер, 1995. С. 21].

Очевидно, что речь идет о том, что понимание искусства оказывает определенное влияние на конституирование смысловых структур субъекта понимания, а художественный проект, становясь произведением искусства (в хойслинговом понимании), обладая как концептом, так и множеством свобод толкования, способен прирастать в смысле. Очевидно, что в теории прослеживается идея, концептуальная для постструктуралистских теорий изменивого восприятия Текста, текста как «методологического поля» и др. И, в-третьих, говорится об отношениях, через которые происходит взаимодействие (реализуется социальная активность). Полагаем, что в данном случае можно говорить о художественной активности, хотя автор и не употребляет этого термина. Таким образом, ученый, благодаря открытости границ сетевой теории, выстраивает структуру, элементами которой являются *художественный проект, реципиент, контекст* (как пространство, где ожидается взаимодействие, называемое произведением искусства), а также *отношения* (как тип активности реципиента). Как мы видим, новое теоретическое здание выстраивается на основе теории социального взаимодействия, основных положений герменевтики, экзистенциальной психологии, посредством использования возникающих между ними сетей теоретических сопряжений.

Как упоминалось выше, в качестве элемента структуры вводится контекст искусства, то есть, временное, культурное, семантико-эстетическое и топологическое пространство [Хойслинг, 2003. С. 50]. Представляется существенным для характеристики современной социокультурной практики вывод ученого о том, что музей, концертный зал, театр и т. д. как контексты, в которых должно состояться произведение искусства, образуют «самоупрощение процессов взаимодействия»; в них происходит «упрощающее распределение ролей», иначе говоря, переполненные залы, музеи и т.д. создают иллюзию социальной активности, более того, люди, ввиду только факта посещения «уже воспринимают себя как реципиентов искусства и в качестве таковых воспринимаются другими» [там же, с. 47]. Стандартизация, упрощение процесса взаимодействия обусловлены и «автоматически поставляемой в комплекте» программой (последняя понимается как «разжеванные суждения», стратегии оценок и т.д.), что в итоге избавляет реципиента от взаимодействия – «он может как бы откинуться в кресле» [там же, с. 48-49], при этом, говоря словами Т. Адорно, испытывая чувство житейского комфорта [Адорно, 1999. С. 127], или же в случае намеренной (отчаянной) провокации художника может воспринимать его как «средство для возбуждения притупленных и утомленных жизнью нервов» [Ницше, 2001. С. 17]. «И это фатально!» – утверждает Р. Хойслинг, в частности, и в том

смысле, в котором «презумпция понятности фатальна для понимания», о чем говорили и С.С. Аверинцев, и Ю.М. Лотман. Институты культуры, а к ним можно присовокупить и соответствующие образовательные институты, есть исторически сложившиеся структуры трансляции социокультурного опыта человечества, однако, точно подмеченный факт «самоупрощения», позволяет сделать вывод о том, что «музей, концертный зал, театр … скорее препятствуют искусству, нежели способствуют ему» [Хойслинг, 2003. С. 50]. Хотя автор и упрекает себя в абсурдности сделанных выводов с традиционной точки зрения, однако многие авторы отмечали указанное явление. Как писал в свое время Адорно: «Большая часть культуры служит тому, чтобы помешать людям задуматься над собой и над миром» [Адорно, 1999. С. 43].

В чем же заключается перспектива того, чтобы социальное взаимодействие, а именно произведение искусства, состоялось? Автор, прежде всего, предпринимает попытку представить произведение искусства динамически и видит его состоятельность лишь в случае взаимодействия, актуализации элементов структуры (проекта, реципиента, контекста) в феномене произведения искусства, и, напротив, доказывает невозможность данного типа взаимодействия, если распадается («терпит крах») одна из трех составляющих структуры. Более того, «крах уже *одной* (курс. авт.) конструкции влечет за собой распад и других конструкций» [Хойслинг, 2003. С. 50]. В качестве одного из примеров приводится известный эксперимент с прослушиванием музыки Л. Бетховена племенем меланезийских туземцев. Результатом было то, что туземцы «акустически не восприняли совершенно ничего … они обратили внимание лишь на вращение пластиночного диска и на постепенное движение иглы к центру пластинки, причем их созерцание внезапно прекратилось, как только пластинка была доиграна до конца» [там же, с. 51-52]. Несмотря на экзотичность примера, он вполне может иллюстрировать множество ситуаций, происходящих и с более респектабельной, чем туземцы публикой, когда произведение искусства «терпит крах».

Постулируя мысль о том, что произведение искусства есть процесс взаимодействия и с целью отличия его от остальных, исследователь обращается к понятию ауры, ключевому в эссе В. Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». Речь не идет ни о развитии беньяминовского понятия, ни, разумеется, о его заимствовании. Автору для плодотворного использования понятия ауры «необходимо значительное перетолкование» последнего. Для Хойслинга аура не есть свойство некоторого предмета, но характеристика «интерактивного процесса» между реципиентом, художественным проектом и контекстом искусства. Иначе говоря, беньяминовское понятие ауры, которая возникает в процессе художественной активности реципиента, переносится с характеристики произведения искусства на процесс взаимодействия. И далее, понятие ауры необходимо воспринимать как «описание эмергенции» феномена произведения искусства [там же, с. 54]. На примерах анализа сменяющих друг друга фаз от признания до полного забвения произведений И.С. Баха, А. Сальери, ученый делает вывод о том, что «аура – феномен не инвариантный к времени и контексту» и рассматривает изменения в художественном проекте, в реципиенте и в контексте искусства ввиду которых аура утрачивается или вновь обретается [там же, с. 55], то есть, ведет речь, в том числе, о том явлении, суть которого с исчерпывающей полнотой выражена в лаконичном высказывании франкфуртского философа: «Великие произведения способны ждать» [Адорно, 2001. С. 62].

Обратимся к понятию эмергенции, описывающему «такое положение вещей, когда целое больше суммы его составляющих частей» и для описания которого, как отмечалось выше, вводится понятие ауры. «Эмергенция означает возникновение процессов и свойств более высоких уровней, не сводимых к процессам и свойствам более низких уровней». И далее: «… аура есть не что иное, как именно этот феномен эмергенции» [Хойслинг, 2003. С. 60]. Подкрепляя одно понятие другим и, по сути, отождествляя их, автор говорит о возникновении нового структурного и процессуального уровня (благодаря взаимодействию элементов структуры), которому присущи и собственная динамика, и «образование специфических свойств нового характера». Именно формирование этого уровня и есть произведение искусства [там же, с. 60]. В некотором смысле понятие эмергенции представляется избыточным, однако возможно предположить, что оно вводится в связи с тем, чтобы подчеркнуть, что взаимодействие проекта, реципиента и контекста искусства ведет к усложнению и возникновению структур более высокого порядка. У автора диалогической герменевтики этот процесс описан как обогащающее бытие вживание, благодаря которому «осуществляется нечто, чего не было ни в предмете вживания, ни во мне до акта вживания» [Бахтин, 1995. С. 30]. При этом, поскольку и реципиент, и проект, и контекст взаимовлияют друг на друга, «продвигают друг друга», достаточно рельефно просматривается механизм социально-культурного изменения в процессе произведения искусства, которое каждый раз происходит заново, его как результат, по образному выражению М.К. Мамардашвили, «нельзя положить в карман». Произведение искусства как культурный механизм должно практиковаться, ибо культура есть практикование сложности. Произведение искусства (используем этот термин в традиционном смысле), оставаясь самим собой, актуализировавшись в процессе взаимодействия, прирастает в смысле; в субъекте понимания (реципиенте) происходят активные процессы смыслостроительства, усложняется и развивается смысловая сфера, что вкупе способно значительно изменять социокультурный ландшафт современности.

Таким образом, произведение искусства раскрывается через понятие ауры, при этом феномен ауры есть

эмергенция. Как представляется, ученый здесь обращается феномену катарсиса, имеющего в философской мысли более чем двухтысячелетнюю историю толкования. Несмотря на то, что в различных теориях катарсиса авторы выражают собственное понимание смысла и назначения искусства, в целом данное понятие служит обозначением сути подлинного искусства как феномена актуализирующегося, становящегося в процессе встречи (диалога), говоря языком Бахтина, двух со-знаний. Во многом исходя из теорий катарсиса, Хойслинг однако избегает употребления самого понятия, возможно ввиду его «нагруженности» философскими, эстетическими и религиозными коннотациями (может быть особенно последние и сообщают для автора неприемлемость использования данного понятия) и обращается к понятию ауры.

Как отмечалось выше, аура не есть парафраз понятия Беньямина, но его «радикальное» переосмысление. Понятие ауры, пришедшее из мистической сферы, выражая и «чарующее» напряжение, и нечто «таинственное», рассматривается как исключительно «посюсторонний» феномен и именно в данном качестве отражающий «чары искусства», разворачивающиеся в социальном контексте [Хойслинг, 2003. С. 19]. Автор утверждает (признавая, что для этого «требуется много труда»), что «надо рассматривать мысли об ауре в совершенно секуляризованной форме как феномен социального взаимодействия» и – важное дополнение – «но в то же время, сохранить содержание этих мыслей, чтобы наделить речью захватывающее в искусстве» [там же, с. 63]. Не отрицая идею тайны, исходящей от искусства, немецкий теоретик обращает ее «в общество, в реальное время, во все культурные и общественные взаимосвязи» [там же, с. 20]. Выскажем предположение, что упорство, с которым автор стремится снять метафизический покров с ауры, а, следовательно, и феномена искусства, может свидетельствовать о его глубоком внутреннем сомнении в том, что возникновение ауры может получить объяснение «в совершенно секуляризованной форме». Анализ полемики относительно религиозного в искусстве выходит за рамки настоящей статьи, однако факт обращения к понятию ауры может служить неявным свидетельством интуиции автора в понимании того, что, как писал Н.А. Бердяев: «Искусство религиозно в глубине самого художественного творческого акта» [Бердяев, 2002. С. 334], но не в смысле принадлежности к какой-либо конфессии, но в смысле возникновения «глобальных связностей сознания» (оборот Мамардашвили), без которых невозможно подлинное произведение искусства.

Отметим и следующее. Хойслинг как социолог и как подлинный любитель искусства (особенно музыки, судя по многочисленным примерам и характеру описания) говорит будто на разных языках: в первом случае его язык точен, конкретен, иногда намеренно наукообразен; во втором – более живой, полный метафор («искусство порождает чарующую близость» [Хойслинг, 2003. С. 62], необходимо «наделить речью захватывающее в искусстве» [там же, с. 63]. Примеры можно продолжить). Мы отмечаем данный факт с тем, чтобы зафиксировать внимание на сложности теоретизации столь тонкого феномена как произведение искусства как в его традиционном понимании, так и в хойслинговской интерпретации. Вынуждены признать, что какой бы настойчивой не была исследовательская интенция, за скобками неизбежно остается нечто, упорно не поддающееся анализу.

Суммируя главное, отметим, что, *во-первых*, для Хойслинга важно не оказаться на уровне анализа элементов, его основная интенция направлена на осмысление взаимосвязи элементов структуры, при которой возникает произведение искусства как взаимодействие. *Во-вторых*, термин «произведение искусства» служит для обозначения динамической характеристики и подчеркивает процессуальный момент факта взаимодействия художественного проекта и реципиента. *В-третьих*, преодолевая каноны социологической теории, в качестве одного из действователей автор вводит художественный проект произведения искусства. *В-четвертых*, произведение искусства возможно лишь при наличии всех элементов структуры, в результате интерактивного взаимодействия которых возникает феномен ауры произведения искусства, а при отсутствии (или несостоятельности) одного из элементов произведение искусства невозможно.

Как мы попытались показать, в ходе построения теории произведения искусства автор опирался на идеи, получившие фундаментальную разработку в западно-европейской и отечественной философской мысли. Выстраивая теорию произведения искусства, которая во многом носит рамочный характер (автор признает, что его научные изыскания есть лишь «эскиз теории»), ученый реализует принцип модульного построения сетевой конструкции, синхронизируя, в том числе, теории социального взаимодействия, философии и социологии искусства, теории катарсиса и герменевтики, а также постструктуралистские теории Текста.

Если допустить возможность переноса способов социального изменения, использованных В.В. Волковым в процессе анализа фоновых практик, таких как артикуляция, реконфигурация, заимствование [Волков, 1997. С. 17] на способы построения теории, это дает возможность осмыслить внутренний механизм метода Хойслинга, то есть попытаться понять и конкретизировать, каким образом осуществляется построение теории. Вводя в качестве объекта социального взаимодействия художественный проект искусства (наряду с реципиентом и контекстом) артикулируется идея, характерная для гуманитарной мысли XX века, в том числе, для постструктуралистских теорий Текста, согласно которой субъект понимания является неотъемлемым структурным компонентом произведения искусства. Не столько заимствование, но значительная реконфигурация понятия ауры, позволили автору (вкупе с опорой на основные положения теорий катарсиса, герменевтики) зафиксировать внимание на процессуальной, становящейся природе произведения искусства, требующего постоянного производства посредством специфи-

ческой (художественной) активности субъекта понимания. Также артикулируется ключевое положение философии и социологии искусства в понимании искусства как механизма социокультурного изменения. В выстраивании структуры художественный *проект – реципиент – контекст* заимствуется и подвергается реконфигурации структура элементарного акта коммуникативного взаимодействия *отправитель – канал – получатель* [Моль, 1973. С. 126].

Как мы убедились, в «чистом» виде не используется ни один способ, скорее в процедуре теоретического сопряжения автор использует их различные конфигурации. Можно сказать, что автор, заимствуя, подвергая большей или меньшей реконфигурации, артикулирует те или иные идеи, теоретические высказывания, постулаты, подчиняя их главной цели своей теории – объяснить процесс понимания искусства как феномен социального взаимодействия. В свою очередь данный опыт может служить значительным методологическим импульсом и продуктивно использоваться в контексте социальной философии, поскольку, являя собой реализацию принципа построения теории нового типа, позволяет расширить представления о механизме социокультурных изменений в современном обществе, а также уточнить роль социокультурных институтов в процессе взаимодействия человека и искусства. Автор переводит процесс понимания искусства в поле социального взаимодействия, что может быть перспективным, в том числе, для акцентирования внимания на той социокультурной роли, которую играет реципиент как субъект понимания в судьбе произведения искусства, а, следовательно, как в сохранении традиции, так и в обновлении культурного кода современности.

Вместе с тем, возникает ряд вопросов, существенных для социально-философского осмысления современной социокультурной практики. Первый связан с применимостью рассматриваемой теории для понимания и объяснения взаимодействия, в котором в качестве одного из объектов выступает художественный проект некоторого продукта массовой культуры. Во-вторых, если следовать логике представленной теории, произведение искусства есть суть взаимодействия, однако остается неясным вопрос о том, какими могут быть социокультурные результаты данного взаимодействия. В-третьих, требуют уточнения характеристики (художественной) активности реципиента искусства, роль которого в социальном взаимодействии данного типа неоспоримо высока.

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что теория Р. Хойслинга «Аура как социальный феномен» представляет существенный интерес как метод построения теории нового типа и она, следуя логике самой сетевой теории, может войти в качестве одного из структурных компонентов в более объемную теорию художественной активности человека в современную эпоху.

References:

1. Adorno T. Izbrannoye: Sotsiologiya muzyki [Sociology of music]. – Moscow.- St. Petersburg., University book., 1999.

2. Adorno T. Esteticheskaya teoriya [Aesthetic Theory]. - Moskva, Respublika [Republic], 2001.

https://doi.org/10.2307/2905615

3. Bakhtin M.M. Chelovek v mire slova [The man in the world of speech]. - Moscow., Izdatelstvo ROU [ROU Publishing house]., 1995.

4. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. - Moskva, Iskusstvo [Art], 1979.

5. Berdyayev N.A. Smysl tvorchestva [The meaning of creativity]. - Moskva, AST, 2002.

6. Buber M. Dva obraza very [Two images of faith]. - Moscow., Respublika [Republic], 1995.

7. Volkov V.V. O kontseptsii praktik v sotsial'nykh naukakh [The concept of practice in the social sciences]., SotsIs. 1997., No. 6., pp. 9-23.

8. Kollinz R. Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change]. – Novosibirsk, Sib. chronograph, 2002.

9. Mol' A. Sotsiodinamika kul'tury [Sociodynamics of culture]. - Moskva, Progress, 1973.

10. Nitsshe F. Rozhdeniye tragedii iz dukha muzyki [The Birth of Tragedy from the Spirit of Music]. - Moskva, AD Marginem, 2001.

11. Khoysling R. Sotsial'nyye protsessy kak setevyye igry. Sotsiologicheskiye esse po osnovnym aspektam setevoy teorii [Social processes as network games. Sociological essays on major aspects of the network theory]. - Moskva, Logos-Al'tera, 2003.

Литература:

1. Адорно Т. Избранное: Социология музыки. – М.-Спб., Универ. кн., 1999.

2. Адорно Т. Эстетическая теория. - М., Республика, 2001. https://doi.org/10.2307/2905615

3. Бахтин М.М. Человек в мире слова. - М., Изд-во РОУ, 1995.

4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., Искусство, 1979.

5. Бердяев Н.А. Смысл творчества. - М., АСТ, 2002.

6. Бубер М. Два образа веры. - М., Республика, 1995.

7. Волков В. В. О концепции практик в социальных науках., СоцИс. 1997., № 6., С. 9–23.

8. Коллинз Р. Социология философии: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск, Сиб. хронограф, 2002.

9. Моль А. Социодинамика культуры. - М., Прогресс, 1973.

10. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. - М., AD Marginem, 2001.

11. Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории. - М., Логос-Альтера, 2003.

Information about author:

1. Elena Shentseva – Candidate of Philosophy; address: Russia, Novosibirsk city; e-mail: metaphysica7@yandex.ru

U.D.C. 165: 396

HOLISTIC EPISTEMOLOGY IN THE CONTEXT OF MODERN GLOBAL PROBLEMS

T. Poplavskaya, Candidate of Philosophy, Associate Professor
South-Ukrainian National Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Ukraine

A cognition problem is one of the most topical problems of the philosophy of science in the XXI century. It is first of all connected with the peculiarities of development of scientific and technical civilization, and the way of thinking generated by it.

Cognitive and explanatory capabilities of the holistic epistemology, as possibilities to develop more harmonious sociocultural space, are considered in the report.

Keywords: epistemology, holism, mentality, rationality, analytics.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

УДК 165:396

ХОЛИСТИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Поплавская Т.Н., канд. философ. наук, доцент
Южноукраинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Украина

Проблема познания является одной из самых актуальных проблем философии науки в XXI веке. Это связано, в первую очередь, с особенностями развития научно-технической цивилизации и порождаемым ею стилем мышления.

В статье рассматриваются познавательные и объяснительные возможности холистической эпистемологии как возможности развития более гармоничного социокультурного пространства.

Ключевые слова: эпистемология, холизм, менталитет, рациональность, аналитика.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i10.1583

Мы все живем в очень сложно время – время перемен. Перемены происходят практически во всех видах человеческой деятельности, причем эти перемены не всегда приводят к улучшению или прогрессу, скорее наоборот – налицо целый веер глобальных проблем, решать которые необходимо безотлагательно, причем не отдельными странами или регионами, а всем миром. В этой связи назрела необходимость для человечества проникнуться идеей единства мира, тем более что на фундаментальном уровне, как нам объясняют физики, природа едина и все грани в ней весьма условны и лишь отражают последовательное приближение общественного сознания к истине. Если природв едина и целостна в своей сущности, значит такими же целостными должны быть и методы её познания.

В то же время существующая методология научного подхода, основанная на рационализме и анализе сложного путём разложения его на части, показала, что при изучении целостных свойств системы она не в состоянии их описывать. Происходит это потому, что любая, даже мысленная операция вычленения элемента, означает разрушение целостности и потери ряда качественных свойств, что приводит к фрагментаризации знания, а вместе с ним и фрагментаризации мировоззрения. Это тупик, в котором сейчас находится техногенная цивилизация со своим культом научно-технического прогресса, со своим отношением к природе как к безликой, а иногда даже и как враждебной окружающей среде, со своим индивидуализмом как основой общества, со своим социальным господством финансовой олигархии и меногими другими установками мышления и восприятия, которые собственно и порождают имеющийся веер глобальных проблем.

Выход из данного тупика видится учеными и философами по-разному: одни ратуют за изменение человека с целью улучшения социальной жизни, другие ратуют за изменение социальной жизни с целью улучшения человека. Согласно с холистической концепцией – жизнь едина и каждое существо (холон) характеризуется не только тончайшим внутренним гомеостазом, но и неуловимыми и бесчисленными связями со всеми остальными холонами и со всем Целым. Человек как существо мыслящее играет важную роль в этом тонко устроенном взаимодействии всего со всем, поэтому так важно для него иметь адекватное мировоззрение и мироотношение, которое может быть сформировано средствами современной науки и образования. Под адекватным мировоззрением следует понимать такую систему воззрений на мир, в которой присутствуют четкие и недвусмысленные ответы на самые сокровенные вопросы человечества: Кто мы? Где мы находимся и зачем? Откуда мы приходим и куда затем уходим? Сюда же можно добавить и знаменитые Кантовские вопросы: Что я могу знать? На что я могу надеяться? и Что я должен делать? Это вечные вопросы и ответы на них должна дать новая эпистемология.

Нынешнюю ситуацию в области теории познания, философии науки вообще и философии социальных и гуманитарных наук, в частности, известный российский философ Н.С. Розов охарактеризовал как «осень эпистемологии», которая «означает отсутствие новых впечатляющих прорывов в осмыслении и обосновании знания. Остается только постмодернистская погруженность в бесконечные слои текстов и интерпретаций» [11].

По мнению философа, «весна» эпистемологии придет не сама по себе, а только вслед за впечатляющим прорывом в социальных и исторических науках, который, с одной стороны, направит и сфокусирует внимание исследователей и широкой публики на череде открытий и открывающихся новых знаниях и смыслах, с другой стороны, обнаружит теоретико-познавательные и онтологические трудности, продвижение в разрешении которых и будет «новой эпистемологической весной» [там же].

Само собой напрашивается ряд вопросов: как может быть возможна «весна эпистемологии»? Какие познавательные стратегии могут привести к впечатляющим прорывам? Могут ли кардинально измениться методы познания в рамках старой картины мира? Насколько наш научный истеблишмент готов к принятию новаций в познавательной сфере?

Картина мира, как её определяют специалисты – это система образов и связей между ними, наглядных представлений о мире и месте человека в нем, о взаимоотношениях человека с действительностью, о своей роли и своем месте в мире, о пространственно и временной последовательности событий, их причинах, значении и целях. Человек действует, опираясь на свою картину мира. Она объединяет все известные ему образы и понятия в единый глобальный образ, в котором содержится все, с чем он сталкивался в жизни. По сути, это сложнейшее психическое образование, которое мы создаем с самого раннего детства, это многослойная конструкция, хранящая в себе все знания об окружающем мире в виде воспоминаний или образов.

Картина мира, как правило, формируется в процессе воспитания и образования с применением определенных познавательных стратегий. В современной науке и образовании, за кажущимся плюрализмом методов познания, стоит только один – ***метод проб и ошибок.*** Как отмечал К. Поппер в одной из своих статей: «Метод, с помощью которого пытаются решить все проблемы, обычно один и тот же – это метод проб и ошибок». <> «Метод, способствующий развитию человеческого мышления – и особенно философии, мы можем охарактеризовать как частный случай метода проб и ошибок» [10].

Данный метод широко и достаточно удачно используется на протяжении многих веков в точных науках. Гуманитарии в своих исследованиях также стремятся соответствовать так называемой научности, используя этот метод применительно к таким сложным феноменам как психика человека, сознание, искусство, религия и т.д., то есть в тех сферах человеческого опыта, которые явно находятся в другом измерении и требуют совсем других подходов и методов. Мне это напоминает желание измерить объем груди, талии и бедер при помощи деревянной линейки любой длины. Как ни верти этой линейкой – адекватного представления о фигуре человека не получится, особенно если этот человек – женщина!

Метод проб и ошибок известен человечеству с доисторических времен, он всегда применялся в рамках традиционной, я бы сказала, бытовой логики, где работает закон исключения противоречий, который гласит, что два противоречащих друг другу утверждения не могут быть истинными одновременно. Однако этот метод всегда был хорош только в применении к одной, физической, трехмерной реальности, которая структурируется по принципу «вкл-выкл» и третьего варианта действительно не дано.

Применение этого метода к психической или духовной реальностям всегда приводит к противоречиям исследователя, априори отрицающего существования иных реальностей, кроме физической. В то же время, отрицательное отношение к возникающим противоречиям в процессе построения научных теорий ведет к однозначным выводам, к упрощению объекта исследования, будь то Мир или Человек.

Несовершенство существующих научных методов познания особенно бросается в глаза при попытке объяснить феномены квантовой физики. Так, известный физик Джон фон Нейман, осознав в свое время, что квантовый мир не вписывается в аристотелевскую логику «либо-либо», изобрел трехзначную логику. К предложенным Аристотелем двум вариантам для выбора: «истинно» и «ложно», ученый добавил «может быть». Некоторые физики считают, что фон Нейман разрешил «все» парадоксы, другие считают трехзначную квантовую логику не более чем «формализмом» или «фокусом», который не проясняет неопределенности квантовых событий, в то же время трансакционная психология показывает, что восприятие всегда начинается с состояния «может быть» [3].

В словаре по современной западной философии «эпистемология» определяется как «раздел философии, в котором изучаются проблемы природы познания, отношение знания к реальности, исследуются всеобщие предпосылки познавательного процесса, выявляются условия его истинности» [12, с. 395].

Доминирующая в современной науке эпистемология основана на одномерной логике или такой же одномерной диалектике. Картина мира, сформированная в рамках данной эпистемологии имеет следующие характерные черты: утверждение некой объективной реальности, независимой и противостоящей человеку; свойства, характеристики этой реальности закодированы в неизменных физических законах; человек может получить достоверное (хотя несовершенное и опытное) знание о реальности, строго следуя объективным процедурам и нормам, которые предписаны научным методом.

Критике данной классической эпистемы, а также попыткам конструирования знания на новых принципах, посвящены ряд работ как западных, так и отечественных философов. Сомнению подвергаются онтологические и эпистемологические основания классической науки. Такие исследователи как И.С. Добронравова, В.С. Лукьянец, И.М. Предборская, В.А. Рыжко обосновывают многомерный, нелинейный подход к изучению науки и человека как «эпистемологический поворот», вызывающий пересмотр способа получения знания, пересмотр самого основания, а также отношение к носителю знания, поворот к «личностному» знанию.

Эпистемологические «манифесты» выдвигают и феминистские исследователи – Г. Брандт, Васильева Э., Гайденко В., Жеребкин С. и Жеребкина И., Здравомыслов Е. и Темкина А., Клецин А. и Клецина И.

Все эти попытки конструирования нового знания безусловно расширяют возможности традиционной, классической эпистемологии, однако также страдают ограниченностью методов познания в силу ряда причин: европоцентрированный характер научных интересов, ограниченность познавательных возможностей человека рам-

ками одной, трехмерной реальности и использование установок формальной логики.

Между тем в Античной культуре на протяжении сотен, если не тысяч лет, было известно три варианта познания. Первый из них, самый простой, активно применялся Аристотелем и поклонниками его таланта – формально-логический – с его законом исключенного третьего. Он же является основой всех остальных методов познания, используемых как в естественных, так и в гуманитарных науках, включая и синергетику с её «нелинейностью», и феминистсткую эпистемологию с её маскулинным и феминным типами бытия и идеологией эмансипации, и многими другими эпистемологическими проектами, обсуждаемыми в западной философии науки.

Второй известен нам из диалогов Платона и носит соответствующее название - диалектический. В отличие от Гегелевской одномерной диалектики с ее триадой «тезис-антитезис-синтез», диалектика Платона по своей сущности является многомерной, так как допускает все виды человеческого опыта, вплоть до религиозно-мистического, все виды знания, в том числе и мифологическое, все возможные метафизики.

Известный знаток Античности А.Ф. Лосев отмечал стремление «греческого ума по возможности более компактно и единовидно установить при всем фактическом разнобое действительности существующие в космосе закономерные связи» [5,с.84].

Именно такая диалектика, по мнению мыслителя, «…должна дать внутренне-эйдетически связанную систему категорий, начиная с самовозникающего и первичнейшего элемента эйдоса и кончая эйдосом как именем», её «категориальную эйдетику связей» «соединяет не часть с частью в целое, но целое с целым, категорию с категорией в новую категорию», и «такая конструкция обладает абсолютно универсальным характером, захватывая все мыслимые и вообразимые типы бытия» [5, с. 73].

Сам же А.Ф. Лосев применял, в силу обстоятельств, материалистическую диалектику. Он говорил: «Тут одно из двух. Или нужно дать волю чистой диалектике, и тогда – прощай диалектический материализм и марксизм! Или мы выбираем последнее, и тогда – прощай античная диалектика с ее космосом и прочими бесплатными приложениями! Разумеется, выбор ясен» [5,с.884]. Какой выбор сделал философ нам становится понятным из его реплики в первой крупной публикации «Эрос у Платона»: «Эту дерзость мы себе не позволим…» [6, с. 64].

Очевидно, в наше время назрела необходимость позволить себе эту дерзость и учится мыслить диалектически, как учил Платон в своей знаменитой Академии. Читая диалоги Платона можно проследить за ходом мысли философа, которая движется по кругу вокруг объекта созерцания при помощи диалога между ведущим и слушателями. Чаще всего у Платона в роли ведущего выступает Сократ и можно видеть, как он достигает результата путем постоянно возобновляющейся «концентрической атаки», двигаясь к объекту по сужающимся кругам; в результате суммирования или интегрирующего совмещения единичных впечатлений, полученных с разных точек зрения, формируется многомерное, многостороннее впечатление, до тех пор, когда на последней, концептуально непостижимой стадии этого концентрического приближения испытывающий субъект отождествляется с объектом созерцания. Из этого опыта рождается символ, направляющий знак, сравнимый с символическим языком математики, и трансцендирующий сам себя парадокс [4].

Проблема такого способа мышления не в том, чтобы фиксировать ум в соответствии с системой классической логики, согласно которой два противоположных утверждения не могут быть одновременно истинными и третьей возможности не дано, а в том, чтобы *держать ум подвижным*, т.е. менять точку зрения, позволяя уму совершать круги вокруг познаваемого объекта. Данный способ мышления так же мало отменяет общепринятую логику, как и многомерную логику высшей математики, но он отводит каждому из этих видов логики свое собственное место.

И, наконец, третий вариант познания или скорее проживания знания – мистический. Интересно отметить, что одна из дискуссий, произошедших на XVII Всемирном философском конгрессе была посвящена именно возрождению всей мистической традиции в ее полном объеме. В своей статье, посвященной анализу трех всемирных философских конгрессов, прошедших в конце XX века, по этому поводу П.С. Гуревич пишет: «В философско-мировоззренческом плане мистика вовсе не рассматривается как свод наивных иллюзий, слепых верований, затемняющих ослепительный свет разумности. Она трактуется как древняя традиция, обладающая собственным типом рациональности, построенной на интуиции и специфической структурности. Мистика – сложная духовная традиция, в которой соединены разные, порой противоречивые тенденции. Она обладает солидным прогностическим потенциалом, мировоззренческой уплотненностью. Мистическое сознание с помощью интуиции пытается уловить изначальное единство всех вещей. Оно исходит из предпосылки, что с помощью напряженного «богообщения» можно вырвать у природы некие тайны, к которым наука и соответствующий ей тип рациональности продвигаются аналитическим и экспериментальным путем» [3].

Данные три варианта познания Мира и Человека, применяемых в Древних культурах, соответствуют трем планам Бытия: физическому, психическому и духовному или ментальному.

О том, что наша физическая реальность не является единственной реальностью, первыми в прошлом столетии заговорил именно физики. Согласно концепции Дэвида Бома, мир, каким мы его знаем, представляет собой только один аспект реальности, ее «явный» или «развернутый» порядок. Порождающей же его матрицей является «скрытый» (имплицитный) порядок, то есть, как правило, незримая для нас сфера, в которой время и пространство свернуты. Для понимания имплицитного порядка, Бом счел нужным рассматривать и сознание как неотъемлемый компонент

«холодвижения» (мира как голограммы в динамике), а потому включил в «развернутый» порядок и его. Таким образом, сознание и материя оказываются взаимосвязанными и взаимозависимыми, однако не имеющими причинных связей на «явном» уровне реальности. Они представляют собой вложенные друг в друга проекции более высокой реальности, которая не является ни материей, ни сознанием в чистом виде. Успешные эксперименты придали теории Бома солидности, а открытая Бенуа Мандельбротом фрактальная геометрия, описывающая упорядоченный хаос природы, также демонстрировала «голографический» принцип бесконечного вложения самоподобных структур друг в друга на основе весьма простых математических соотношений [1].

Таким образом, новая картина мира или голографическая, как её иногда называют, может и должна в корне изменить и дополнить существующие познавательные стратегии. Здесь, как видим, полюса онтологического, антропологического и эпистемологического сходятся, потому что мы познаем эту реальность исходя из наших представлений о ней. При этом объединяющим методом выступать многомерная или холистическая диалектика. Ментальность, формируемая такой диалектикой, также можно обозначить как холистическую. В настоящее время носителями данного типа ментальности, как нам стало известно из исследования группы американских психологов во главе с профессором Мичиганского университета Ричардом Нисбеттом, являются представители Восточноазиатского региона, где очевидно, древняя традиция познания максимально сохранилась. Исследователи пришли к следующим выводам: «Представители Восточной Азии обладают мышлением *холистического* характера, они принимают во внимание целостное поле и приписывают именно ему причины событий, сравнительно мало используют категории и формальную логику и полагаются на “диалектическое” мышление. Западные люди более *аналитичны*, сосредоточены по преимуществу на конкретном объекте и на категориях, к которым его можно отнести. Чтобы понять поведение объекта, они опираются на правила, включая правила формальной логики. Описываемые типы когнитивных процессов являются частью более широкой наивной метафизики и имплицитной эпистемологии, характерных для представителей указанных культур» [9].

Больше всего меня заинтересовало последнее положение, о влиянии метафизики и имплицитной эпистемологии на когнитивные процедуры, которые люди используют для решения тех или иных задач. Из этого следует, что наши представления о мире в целом, о нашем месте в этом мире и о том, как мы можем его и себя познать, т.е. стратегии мышления, действительно формируются определенной культурой и не носят универсальный характер, как это считали многие западные ученые и философы, начиная с XVII века. Это во-первых, а во-вторых, целостная или холистическая картина мира и холистическая эпистемология формируют соответственно холистический тип ментальности, для которой сложность означает динамизм и постоянную изменчивость, а убеждение в нестабильности и постоянной изменчивости ведет к тому, что привычки к категоризации и поиску универсальных правил теряют смысл; противоречие кажется неизбежным, поскольку все непрерывно изменяется и противоположные факторы все время сосуществуют; интерес к конкретным объектам и событиям кажется более полезным, чем поиск абстракций. С таким набором когнитивных установок более важным человек будет считать поиск взаимосвязей между событиями, а формальной логике не будет позволено одержать верх над чувственным опытом или здравым смыслом, потому что любая причинность воспринимается не однозначно, а как сложный результат множества факторов, воздействующих на объект, который находится в некотором поле: культурном, информационном, семантическом и т.д.

В связи с тем, что именно носители аналитической ментальности являются авторами развивающейся техногенной цивилизации, а вместе с ней и целого комплекса глобальных проблем, есть смысл обратиться к исследованию ее противоположности – к холистической ментальности, к способам ее формирования и развития у подрастающего поколения. И это только первая причина, по которой следует изучать возможности холистической эпистемологии в деле формирования холистической ментальности.

Второй причиной, побуждающей к исследованию, являются собственно свойства этой холистической ментальности. Американские психологи, исследовавшие ментальность студентов, представителей юго-восточной азиатской культуры, обнаружили в ней такие качества как стремление к сотрудничеству и избегание соперничества, стремление к консенсусу и избегание конфликта, споров, толерантность в религиозных вопросах. Даже язык, имеющий решающее значение в формировании типа мышления, в восточноазиатском регионе способствует представлению о целостном мире, построенном на взаимопроникновении всего во всё [9].

Таким образом, популяризация холистической эпистемологии может способствовать решению проблемы получения целостного знания через обнаружение единства, полноты и конкретности бытия. Высшей ступенью познания может быть лишь знание-жизнь, где субъект не противостоит объекту, а знает предмет в силу того, что слит с ним в самом своем бытии, где бытие и знание есть одно и то же. Фундаментальное тождество бытия и познания предполагаемо самой природой холистического метода познания и должно рассматриваться как единство постигающего и постигаемого, познающего и того объективного смысла, который познается. Именно поэтому коррелятом целостного знания не являются познавательные субъект-объектные отношения. Исходной основой холистического мышления является нерасчлененность предмета и деятельности, деятельного субъекта и того, на что его деятельность направлена: оно внушает, а не объясняет [7].

Субъект и объект рассматриваются как составные части единого бытия, по Ф. Ницше – «опыта жизни» [8, с. 283]. Такое мышление А.Ф. Лосев называл «инкорпорированным мышлением», то есть мышлением в целом, где нет категориального расчленения, не различается «общее» от «единичного». Оно мыслится как чувственно-материальное явление, способное быть чем-то общим и порождать из себя все видовое и единичное; оно способно к выходу за пределы имманентного мира – к транцензусу. Такое знание является более непосредственным, чем формы знания, выделяемые классической теорией познания, поскольку находится за пределами различия между объектом и субъектом. Оно представляет одновременно и средство познания, и само знание: бытие и знание о бытии становятся двумя неотделимыми друг от друга аспектами бытия в его целостности.

Современная социокультурная действительность как гетерогенная, изменчивая, многовариантная, плюральная, вызывает к жизни новые, нетрадиционные, альтернативные, подчас провокационные подходы, которые позволяют отойти от однозначного определения реальности и человека и отказаться от понятий линейности и редукционизма в пользу гармонии, целостности и разнообразия.

References:

1. Butkov V. Golograficheskaya Vselennaya [Holographic Universe] Devida Boma., Access mode: https://www.proza.ru/2009/05/10/18.

2. Gurevich P.S. Poisk novoy ratsional'nosti. (Po materialam trekh vsemirnykh kongressov)., Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya. [The searching for a new rationality. (According to three World Congresses). Rationality as an object of philosophical study]. - Moskva, IF RAN-1995. pp. 173-187.

3. Danilov Yu.A.. Dzhon fon Neyman [John von Neumann]. – Moskva., Znaniye [Knowledge], 1981. - 286 p.

4. Lama Anagarika Govinda. Tvorcheskaya meditatsiya i mnogomernoye soznaniye [Creative meditation and multidimensional consciousness]. - Moskva, Yedinstvo [Unity].-1993.

5. Losev A.F. Istoriya Antichnoy estetiki. Pozdniy ellinizm [History of ancient aesthetics. Late Hellenism]. – Moskva, Iskusstvo [Art], 1980. – 656 p.

6. Losev A.F. Eros u Platona., Losev A.F. Bytiye-imya-kosmos [Genesis-name-space]. – Moskva., Mysl' [Thought], 1993., pp. 31-60.

7. Loseva I.N. Mif i religiya v otnoshenii k ratsional'nomu poznaniyu., Voprosy filosofii [Myth and religion in relation to the rational knowledge. Issues of Philosophy]., 1992., No. 7.. pp. 69-70.

8. Nitsshe F. Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostey [Will to Power: Attempt at a Revaluation of All Values]. - Moskva, TOO Transport, 1995. – 880 p. https://doi.org/10.1017/cbo9780511624735.007

9. Nisbett R. Kul'tura i sistemy myshleniya: sravneniye kholisticheskogo i analiticheskogo poznaniya., Psikhologicheskiy zhurnal [Culture and Systems of Thought: Holistic vs. Analytic Cognition. Psychological Journal]. - 2011., Vol. 32, No. 1., pp. 55-86. https://doi.org/10.1037//0033-295x.108.2.291

10. Popper K. Chto takoye dialektika., Voprosy filosofii [What is dialectic? Problems of Philosophy]., 1995., No. 1., pp. 118-138.

11. Rozov N.S. «Osen'» i budushchaya «vesna» epistemologii: perspektivy nomologicheskogo sinteza v sotsial'nykh naukakh., Epistemologiya i filosofiya nauki. [«Autumn» and the future «Spring» of epistemology: prospects of nomological synthesis in the social sciences. Epistemology and philosophy of science]., No. 2, 2007. Access mode: http://iph.ras.ru/journal.htm.

12. Sovremennaya zapadnaya filosofiya. Slovar'. [Contemporary Western philosophy. The dictionary]., Sost. Malakhov V.S., Filatov V.P. – Moskva, 1998. – 544 p. https://doi.org/10.1080/15615324.2001.10426944

Литература:

1. Бутков В. Голографическая Вселенная Дэвида Бома., [Электронный ресурс]., Режим доступа: https://www.proza.ru/2009/05/10/18.

2. Гуревич П.С. Поиск новой рациональности. (По материалам трех всемирных конгрессов)., Рациональность как предмет философского исследования. - М., ИФ РАН-1995. С.173-187.

3. Данилов Ю.А.. Джон фон Нейман. - М.: Знание, 1981.- 286с.

4. Лама Анагарика Говинда. Творческая медитация и многомерное сознание. - М., Единство.-1993.

5. Лосев А.Ф. История Античной эстетики. Поздний эллинизм. – М., Искусство,1980.- 656с.

6. Лосев А.Ф. Эрос у Платона., Лосев А.Ф. Бытие-имя-космос. - М., Мысль, 1993., С. 31-60.

7. Лосева И.Н. Миф и религия в отношении к рациональному познанию., Вопросы философии., 1992., № 7.. С.69-70.

8. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. - М., ТОО Транспорт, 1995. – 880 с. https://doi.org/10.1017/cbo9780511624735.007

9. Нисбетт Р. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания., Психологический журнал. - 2011., Т. 32, № 1., С. 55-86. https://doi.org/10.1037//0033-295x.108.2.291

10. Поппер К. Что такое диалектика., Вопросы философии., 1995., № 1., С. 118-138.

11. Розов Н.С. «Осень» и будущая «весна» эпистемологии: перспективы номологического синтеза в социальных науках., Эпистемология и философия науки., № 2, 2007. [Электронный ресурс]., Режим доступа: http://iph.ras.ru/journal.htm.

12. Современная западная философия. Словарь., Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. – М., 1998. – 544 с. https://doi.org/10.1080/15615324.2001.10426944

Information about author:

1. Tatyana Poplavskaya - Candidate of Philosophy, Associate Professor, South-Ukrainian National Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; address: Ukraine, Odessa city; e-mail: poplavskaya.t@mail.ru

GISAP
HISTORY AND PHILOSOPHY

GISAP CHAMPIONSHIP AND CONFERENCES 2017

1 stage

ISSUES OF UPBRINGING AND TEACHING IN THE CONTEXT OF MODERN CONDITIONS OF OBJECTIVE COMPLICATION OF THE PERSON'S SOCIAL ADAPTATION PROCESSES

Educational sciences and Psychology — 18-24.01

1 stage

ROLE AND RATIO OF VERBAL AND NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION AGAINST THE BACKGROUND OF THE INCREASING VALUE OF INFORMATION AND INTENSITY OF ITS TURNOVER

Philology — 09-15.02

1 stage

MATERIAL AND SPIRITUAL FACTORS OF THE PERSONAL CREATIVITY EXPRESSION IN THE GENERAL SOCIAL PROCESS OF THE CULTURAL VALUES FORMATION

Culturology, Physical culture and Sports, Art History / History and Philosophy — 09-15.02

1 stage

ISSUES OF FREEDOM, JUSTICE AND NECESSARY COERCION IN THE COURSE OF THE PUBLIC RELATIONS REGULATION

Economics, Jurisprudence and Management / Sociology, Political and Military Sciences — 21-28.02

1 stage

TRADITIONAL AND EXPERIMENTAL METHODS OF STUDYING AND OVERCOMING THE MEDICAL AND BIOLOGICAL PROBLEMS IN ENSURING THE OPTIMAL VITAL FUNCTIONS OF HUMAN BEINGS AND THE WILDLIFE

Medicine, Pharmaceutics / Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences — 02-10.03

1 stage

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL ASPECTS OF REVEALING AND SOLVING THE CURRENT ISSUES OF FUNDAMENTAL SCIENCES

Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences — 02-11.04

1 stage

MAIN TRENDS IN DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL MECHANISMS ABLE TO SATISFY THE SOCIETY'S INDUSTRIAL AND ARCHITECTURAL ENGINEERING NEEDS

Technical Science, Architecture and Construction — 02-11.04

2 stage

ISSUES OF FORMATION OF PROPER ASSESSMENT CRITERIA IN RELATION TO KNOWLEDGE AND BEHAVIOUR OF INDIVIDUALS AT VARIOUS STAGES OF THEIR LIVES

Educational sciences and Psychology — 12-17.05

2 stage

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS IN FORMATION OF LINGUISTIC MECHANISMS IN THE AGE OF DOMINATION OF LIBERAL VALUES AND PRIORITY OF PERSONAL IDENTITY

Philology — 08-13.06

2 stage

CREATIVITY AS A PERSONAL SELF-EXPRESSION MECHANISM AND A WAY TO REVEAL THE LEVEL OF SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT

Culturology, Physical culture and Sports, Art History / History and Philosophy — 08-13.06

2 stage

CORRELATION BETWEEN INDIVIDUAL AND COLLECTIVE NEEDS IN THE CONTEXT OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL PROCESSES

Economics, Jurisprudence and Management / Sociology, Political and Military Sciences — 20-26.06

2 stage

CHRONIC AND INFECTIOUS HUMAN DISEASES, EPIZOOTIC OUTBREAKS AND EPIPHYTOTY AS THE RESULTS OF CHANGES IN CONDITIONS OF BIOLOGICAL LIFE AND THE MAJOR DIRECTIONS OF SCIENTIFIC RESEARCH

Medicine, Pharmaceutics / Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences — 04-10.07

2 stage

CURRENT RESEARCH ON MATERIAL OBJECTS AND INTERACTION OF SUBSTANCES: EXPANDING THE LIMITS OF KNOWLEDGE AND DETERMINING THE FUTURE OF MANKIND

Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences — 03-09.08

2 stage

CURRENT PROBLEMS IN THE PROCESS OF MEETING THE EXPANDING DEMAND OF THE POPULATION FOR THE MODERN HIGH TECH PRODUCTS

Technical Science, Architecture and Construction — 03-09.08

3 stage

PROBLEMS OF INTERPERSONAL RELATIONS IN CONDITIONS OF MODERN REQUIREMENTS TO QUALITY OF EDUCATION AND THE LEVEL OF PROFESSIONAL SKILLS OF EXPERTS

Educational sciences and Psychology — 14-19.09

3 stage

RATIO BETWEEN THE ROLES OF AN INDICATOR OF SOCIAL CULTURE, INSTRUMENT OF COMMUNICATION, AND MECHANISM OF PRESERVATION AND TRANSFER OF INFORMATION IN MODERN LANGUAGE SYSTEMS

Philology — 10-16.10

3 stage

PHENOMENON OF MASS CULTURE AGAINST THE BACKGROUND OF EXPANSION OF LIBERAL PREREQUISITES FOR DEVELOPMENT OF PERSONAL SELF-EXPRESSION FORMS

Culturology, Physical culture and Sports, Art History / History and Philosophy — 10-16.10

3 stage

ORGANIC COMBINATION OF SOCIAL PARTNERSHIP AND INDIVIDUAL IDENTITY AS THE MAIN FACTOR IN ENSURING THE SELF-PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF THE SOCIETY

Economics, Jurisprudence and Management / Sociology, Political and Military Sciences — 24-31.10

Website: http://gisap.eu/ Email: office@gisap.eu

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, Winchmore Hill, London, N21 3NA, United Kingdom
Phone: +442071939499
E-mail: office@gisap.eu
Web: http://gisap.eu

2016